

ЗМЕЙ-СОБЛАЗНИТЕЛЬ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Змей-соблазнитель

Серия «Авантюрный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199549

Змей-соблазнитель : [роман] / Татьяна Полякова: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-98644-6

Аннотация

Не ходи в темный лес... Эти слова повторяла себе Алла Новикова, которой чудом удалось вырваться из дома, куда они с приятельницей Иркочкой забрели, сбившись с дороги в лесу. А в доме том творились жуткие дела... Побег под покровом ночи удался. Но после страшного приключения Алла никак не может прийти в себя. Ведь Ирка так и не выбралась из чертова дома. Именно в этот сложный момент в жизни Аллы как по мановению волшебной палочки появляются трое мужчин: Илья – красавец и первая любовь, Олег – сосед-инвалид, готовый всегда помочь. И третий, Сергей Львович Берсенев, – о нем не известно почти ничего. Однако именно он притягивает Аллу точно магнит...

Татьяна Полякова

Змей-соблазнитель

© Полякова Т.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Под солнцем ничего нет больше,
чем любовь.
«Джанго»*

Я сидел на открытой веранде ресторана, пил кофе и приглядывался к девицам за столиком неподалеку, пытаюсь решить, с кем из них отправлюсь сегодня в постель. Нелегкий выбор, девчонки были похожи, точно сестры-близнецы. Крашенные блондинки с волосами до плеч. Пухлые губы с яркой помадой и солнцезащитные очки. А еще лабутены. Куда же без них! Приходилось признать: мои подружки становились все моложе и, как следствие, глупее. Тревожный признак. Утешало только одно: дольше одной ночи все равно никто не задержится, утром я буду искать благовидный предлог поскорее избавиться от гостыи, наплету с три короба про командировку и необходимость срочно быть на другом конце вселенной. Так что напрягаться с выбором довольно глупо.

Если честно, я обошелся бы и без этого знакомства, да вот беда: занять себя совершенно нечем. Приходилось в очередной раз с прискорбием констатировать: сытая жизнь – не для меня. Когда-то я мечтал о такой жизни, а теперь от скуки клеюсь к девкам. Может, жениться? Работать в поте лица, приумножая доходы. Растить детей... Идея не особо вдохновляет. Подобные мне мечтают выйти на пенсию с баблом в швейцарском банке и умирают молодыми, так и не успев открыть там счет. А я возьми да и доживи. Бабло, свобода, девки... и смертная скука. Подобные мысли я не жалею, до добра они точно не доведут. Жизни следует радоваться.

В этот момент одна из девчонок взглянула на меня, и я широко улыбнулся. «Привет, дуреха, я твой принц из сказки. Правда, ненадолго». Девушка нерешительно улыбнулась в ответ, а я кивнул, точно здороваясь, чтобы она не сомневалась: счастье сегодня привалило ей, а не кому-то другому. Минут через двадцать можно подойти и завязать разговор.

Девчонка зашептала с подружкой, поглядывая на меня, а я, усмехнувшись, отвернулся, и тут... И тут рейтинг близняшек резко пошел вниз: на веранде появилась шатенка прямо-таки ослепительной красоты: высокая, с отличной фигурой, бледно-розовое платье с узкой юбкой демонстрировала все ее достоинства. Загорелое, сильное тело, а вот личико было нежным и по-детски невинным, явный диссонанс. Засмотревшись на ее фигуру, я было решил, что ей лет два-

дцать семь, не меньше, но мордаха сбивала с толку. Выходило, она минимум на пять лет моложе. Глупышка. Впрочем, это хорошо. Умные бабы мне точно ни к чему – лишние проблемы. А проблемы я не жалуя. Скорее по старой памяти. Сейчас, к сожалению, у меня очень много времени и совсем никаких проблем.

Она сняла солнцезащитные очки, и блондинки были окончательно забыты. Глаза у девушки отливали синевой, большие, с длинными ресницами. Она обходилась без косметики, и правильно, такая красота ни в какой коррекции не нуждалась. А вот взгляд поразил. Взгляд человека, увидевшего мир разбитым вдребезги. Такой взгляд бывает у солдат после первого боя, когда толком не знаешь, радоваться, что цел остался, или сожалеть, что разом все не кончилось и придется пережить это снова и снова. В общем, у нее был взгляд человека, которого жизнь двинула под дых, а отдышаться он так и не сумел. Что ж такого могло случиться с красавицей? Несчастливая любовь не годилась, после нее девушки либо впадают в меланхолию, либо торопятся укрепиться в крайней стержовности. Потеряла близких? Родителей? Если да, то это смерть не от болезни, и даже не несчастный случай... Убийство? Возможно. Мужика у нее точно нет, уж очень беззащитно выглядит. Может, жениха и похоронила? Если так, то уже довольно давно, полгода, не меньше. Боль стала тупой, ноющей, к которой успеваешь привыкнуть и временами вовсе забываешь о ней. Есть

и есть.

Девочка собирает себя по крохам... А тут я... Не жалко девчонку? Еще есть время вернуться к блондинкам... Ей не помешает немного встряхнуться... Мне-то уж точно не помешает. И все-таки я еще не решил, нужно ли мне это счастье. Хотя девчонка зацепила. Не помню, когда это случилось в последний раз. Наш роман будет недолгим, но кто сказал, что ей придется страдать после расставания? Я могу быть редким гадом, и, избавившись от меня, девушка вздохнет с облегчением.

Она сделала заказ и в ожидании, когда его принесут, достала из сумочки книжку и принялась читать. Девять девиц из десяти уткнулись бы в телефон. Но она, понятное дело, не такая, как все. Святые угодники... Она читает Спинозу! Помнится, был такой еврей в дремучем Средневековье. Только не подумайте, что я его тоже читал. Надеюсь, это просто невинное желание выпендриться... «Отлично, милая, ты умна и волшебной красива...»

И тут в голову полезли совсем другие мысли, весьма далекие от ее предполагаемого выпендреза и моих опасений ненароком нарваться на зануду-интеллектуалку. В самом конце веранды устроился тип в бейсболке, надвинутой на самые глаза. Мне хватило пяти минут, чтобы убедиться: он следит за девушкой. И это не дурень-поклонник – сел так, чтобы видеть не только красотку, но и всю площадь перед нами. Если девчонка решит уйти, он сможет наблюдать за

ней, не покидая ресторана. То есть, не привлекая к себе внимания, отправится за ней без лишней суеты и нервов. Я бы выбрал ту же позицию. «Во что же ты вляпалась, милая?» Допустим, на этот вопрос мы еще ответим. Сейчас следует решить главное: нужно мне это счастье? Красавица с проблемами и явно не дура... Горе обостряет интуицию... Очень может быть, она быстренько сообразит, что с принцем на «Мерседесе» что-то не так... Да и те, кто за ней топтуна послал, новым знакомым заинтересуются.

Здравый смысл настойчиво советовал вернуться к блондинкам. Но что значит здравый смысл, когда распирает от любопытства, лихо сдобренного скукой и затяжным бездельем? «Привет, красотка! Считаю, я в деле».

Полгода назад

Спалился Вовка по-глупому. На выходные он собирался на дачу к приятелю. Дача – в семидесяти километрах от города, в жуткой глухомани. Деревня с милым названием Кошеево. Я очень сомневалась, что туда есть дорога. Еще больше сомневалась в целесообразности своего там присутствия. Бурный роман с Вовкой доживал последние дни. То есть к тому моменту от него остались воспоминания разной степени приятности да головная боль вкупе с настойчивым вопросом: как поскорее прекратить все это?

Познакомились мы на дне рождения у подруги. Вовка – двоюродный брат ее мужа. Красив, как греческий бог, из тех,

что на иллюстрациях в учебнике истории. Раз взглянув, я повелась. Не очень умно, согласна, но кто из женщин не наступал на те же грабли? В общем, я взглянула на него, он на меня, и понеслось.

В первый месяц, встретившись, мы через пять минут оказывались в постели и выбирались из нее, чтобы бегом мчаться на работу. К концу четвертой недели меня начали посещать мысли, что досуг не худо бы разнообразить. Вот с этим вышла незадача. Наши интересы трагически не совпадали. Он любил футбол, шумные застолья, фитнес-клуб и ненавидел свою работу. Но ничего менять не хотел. Мне моя работа нравилась, а вот шумные застолья, футбол и в особенности фитнес-клубы я ненавидела. Тащиться в душный зал, чтобы в компании таких же придурков, обливаясь потом, тягать железо? Мне вполне хватало неспешных прогулок. Максимум, на что я была согласна: зимой – лыжи, летом – велосипед. Бадминтон и пляжный волейбол. И никаких спортивных программ по телевизору. Спортom надо заниматься, а не глазеть, как им занимаются другие. В общем, однажды, выбравшись из постели, мы поняли, что с общим досугом у нас проблемы.

Уже на третьем свидании Вовка предложил жить вместе. И он, и я были счастливыми обладателями отдельного от родителей жилья, однако мой внутренний голос советовал не торопиться. И оказался прав.

В Новый год, под бой курантов, я загадала желание вновь

стать свободной. И искренне надеялась: Господь поймет мою просьбу правильно, и мы с Вовкой расстанемся без обид и лишних объяснений. Однако все выходило с точностью до наоборот: обиды множились, а Вовка все еще был рядом. Цапались мы по малейшему пустяку и так увлекались, что дело доходило едва ли не до драки. Скандал плавно перетекал в секс, пока до меня не дошло: этот гад нарочно меня провоцирует, потому что интерес к постельному времяпрепровождению во мне заметно угасал, и я начала под любым предлогом от него отлынивать.

Когда я, поняв, что меня попросту разводят, скандалить прекратила, сделалось совсем невмоготу, и стало ясно: пора разбежаться. Я была уверена: Вовка это тоже понял. Может, в самом деле понял, не мог не понять, но согласиться с этим ему мешало упрямство. Мы вяло переругивались, встречались все реже, а при первой возможности с готовностью перечисляли свои обиды.

Спрашивается, что мне мешало просто сказать Вовке: мол, любовь прошла, а помидоры, как водится, завяли? Вообще-то ничего. Но делать этого я по непонятной причине не спешила. Хотя, если честно, о причине догадывалась. Вовка, при всей его бестолковости, относился ко мне куда серьезнее, чем я к нему, и во время наших ссор справедливо указывал на то, что повелась я исключительно на его внешние данные и вовсе никогда его не любила. Чистая правда. Но сознаваться в этом упорно не хотелось. Девушка с бога-

тым внутренним миром спешит с парнем в постель просто потому, что он может похвастать кубиками на прессе? Как-то это... не комильфо, одним словом.

Безумная страсть звучит куда лучше, но страсть, как известно, недолговечна. Я жаждала отделаться от Вовки, но убедила себя, что инициатором разрыва должен стать он. Мол, была безумная любовь, растоптанная ветренным Вовкой, который в отличие от меня не хранил ее и не ценил. Буду томно вздыхать и сидеть, потупившись. Все лучше, чем смириться с собственной неразборчивостью. Дело было за малым: застукать Вовку с поличным. Кстати, ветренным он не был, на девчонок не засматривался, ему и меня хватало. Задумка могла приказать долго жить – данное обстоятельство очень меня расстраивало. Оттого ругались мы чаще. А встречались все реже. И тут Вовка придумал эту дурацкую поездку в Кощеево. Само собой, я отказалась. Со вторника по пятницу мы умудрились поругаться, по Вовкиным подсчетам, восемнадцать раз и теперь, понятное дело, стояли на смерти. Я ехать наотрез отказывалась, он заявил, что непременно поедет, со мной или без меня. Альтернатива – фортепианный концерт в нашей филармонии – Вовку откровенно пугала, и я не сомневалась, что он готов упорхнуть значительно дальше Кощеева, лишь бы избавиться от соприкосновения с прекрасным. В пятницу мы окончательно определились: выходные проводим врозь. Впервые за все время. В последнюю минуту Вовка обычно уступал, но не в этот раз,

и я вздохнула с облегчением.

С утра позвонила Ленка, подруга Вовкиного приятеля. Мы с ней не то чтобы подружились, скорее, испытывали друг к другу симпатию.

– Алла, привет, – услышала я и отметила в голосе Ленки некое напряжение.

– Привет.

– Я чего звоню... Андрей сказал, ты с нами сегодня не едешь?

– В Кощеево?

– Дурацкое название...

– Это точно. Нет, не еду. Не очень понимаю, что вы там собираетесь делать.

– Парни на рыбалку хотели.

– А мы там зачем?

– Отдохнем на природе... шашлыки, свежий воздух.

– И за этим тащиться в Кощеево?

– Ну, в общем, да... Слушай, на самом деле я хотела сказать... Пойми меня правильно... Я думаю, на моем месте ты бы тоже сказала... – Ленке потребовалась еще пара минут, чтобы наконец добраться до главного. – Андрюха просил меня подругу пригласить, Вику. Помнишь, с рыжими кудрями? На моем дне рождения песни под гитару пела? – «Еще бы я не помнила, ее пение явилось для меня серьезным испытанием». – Типа, чтобы я не скучала, пока он на рыбалке. Но на самом деле, думаю, для Вовки, чтобы он без тебя не ску-

чал. – Тут последовала пауза, Ленка тяжело дышала в трубку, а я прикидывала, чего полезного можно выжать из сложившейся ситуации.

Пауза затянулась, и я поспешила заговорить:

– Не вижу ничего особенного в том, чтобы пригласить подругу...

– Твой Вовка уже не раз говорил, что ты его достала своими капризами. Обзывал фифой, а еще сказал, что ему нужна девушка попроще.

– Ну да. Вика в этом смысле очень подходит, проще просто некуда.

– Мне-то что делать?

– Приглашать Вику, разумеется. Проверим Вовку на вшивость, – сказала я.

– Ты это серьезно?

– Конечно. Я за него замуж собралась. О том, на что он способен, лучше узнать до, а не после.

– О господи... Может, ты с нами поедешь? Как-то мне не по себе от всего этого...

– Тогда поезжай в Кошеево без подруги. Я-то точно не поеду.

Мы ничего толком не решили, но вечером Ленка опять позвонила. По дороге в Кошеево они остановились на заправке, вот она и улучила момент.

– Алла, Вика с нами. Сидит с Вовкой в машине на заднем сиденье, это он так решил. Я хотела с ней сесть. Всю дорогу

скалит зубы, но вполне дружески.

– Пусть развлекается, – демонстративно зевнула я.

– Ага... а если... ты потом скажешь, что я виновата... моя подруга все-таки.

– Не скажу. Мы проверяем Вовкину стойкость, и ты тут совершенно ни при чем.

В следующий раз Ленка позвонила в субботу утром, но, кроме слов «связь здесь хреновая», разобрать ничего не удалось, должно быть, связь действительно никуда не годилась. Дважды попытавшись перезвонить, я задумалась, сидя на своей кухне с телефоном в руке. Судя по возбужденному голосу Ленки, события развиваются. Вопрос – что делать мне? Закатить Вовке в понедельник скандал? Он, скорее всего, начнет отпираться. Скажет, что Ленка все выдумала. Я поставлю ее в дурацкое положение, но сама мало что выгадаю. По идее, надо ехать в это Кошеево, устраивать сцену ревности и посылать Вовку к черту, даже если они тихо-мирно будут сидеть с рыжей на почтительном расстоянии друг от друга. Главное, чтобы количество мужчин и женщин на даче совпадало, тогда любимому не отвертеться. У меня будет минимум три свидетеля его подлого поведения, и я смогу во всеуслышание заявить о разбитом сердце и невозможности его простить.

Я вздохнула и стала набирать номер такси. Водительское удостоверение я получила два года назад и считала себя опытным водителем, но уже неделю обходилась без маши-

ны – старую успела продать, новую ждала со дня на день.

Набирая номер, я подумала: грядут сразу два счастливых события: новенькая «Ауди» и избавление от Вовки.

Такси подъехало через пятнадцать минут, я спустилась во двор, прихватив сумку, в которую побросала кое-что из одежды. Легенде стоило соответствовать, а легенда у нас такая: я одумалась и решила присоединиться к любимому. На всякий случай я трижды позвонила Вовке, если вдруг ответит, пробормочу невнятное, сославшись на плохую связь. На счастье, Вовка не ответил.

Таксист, мужчина лет сорока, смотрел сурово. Вдохнул, завел мотор и сказал:

– Сомневаюсь, что мы в ваше Кощеево проедем.

– Оно не мое.

– Вот-вот. Вы, поди, не знаете, там от Журбино не дорога, а направление.

– Я и про Журбино ничего не знаю. Но в Кощеево мне очень надо попасть.

– Ну, если надо... надеюсь, попадем... – вторично вздохнул водитель.

Уже через сорок минут я вынуждена была признать безусловную правоту таксиста. И это еще мягко сказано. Миновав Журбино, довольно большую деревню, мы увидели на обочине щит «Добро пожаловать в заповедник», после чего асфальт внезапно кончился. Правда, некоторое время дорога оставалась вполне сносной, до тех пор пока мы не углу-

бились в лес. Между деревьев кое-где еще лежал снег, а под колесами была каша из грязи, которая вызывала все больше опасений, а с ними – уверенность, что до Кошчеева мы не доедем.

Проселочных дорог здесь, кстати, было множество, они сходились, расходились, исчезали за деревьями и вновь появлялись.

– Далеко еще? – робко спросила я, наблюдая за усилиями водителя не угодить в колею, из которой нам однозначно не выбраться.

– Километров десять, – ответил он.

– Боже, – простонала я и в тот момент была не прочь вернуться в город. Идея неосуществимая, развернуться возможным не представлялось. – Рейсовые автобусы здесь не ходят?

– До Тихвина ходят, оттуда до вашего Кошчеева километра три, но только пешком.

– Как же там люди живут?

– Да никто там не живет. В это время уж точно. Летом дачники приезжают, но тогда и дороги лучше, трактором колею сравнивают – и вперед. Вроде даже автобус с мая по сентябрь пускают. Тихвинский маршрут продлевают, так сказать. А сейчас, в распутицу, только псих сюда сунется, – зло добавил он, неизвестно на кого злясь – на меня или на себя.

– Говорят, там рыбалка хорошая, – брякнула я, он фыркнул и покачал головой.

– Так вы на рыбалку?

– Нет, я за любовь всей моей жизни, а вот он – на ры-
балку.

– Скажите ему, у нас есть места и получше, – заметил так-
сист, а через пять минут мы встали перед ямой, заполненной
водой. Объехать ее не представлялось возможным.

– Черт! – дружно выдохнули мы, водитель, косясь на ме-
ня, вышел из машины, подойдя вплотную к яме, огляделся
и чертыхнулся вторично.

– Кажется, приехали, – возвратившись в машину, сказал
он.

– Далеко еще до Кощева?

– Километра полтора-два. Эту яму нам не преодолеть, мо-
жем так нырнуть... – Тут он был, безусловно, прав. – Выход
один: попробовать здесь развернуться. Второго шанса может
и не представиться. Извините, дорогая девушка, но вы ниче-
го не выиграте, если мы здесь завязнем...

Я вздохнула и полезла в сумку за кошельком.

– Никаких указателей здесь нет? – спросила я, гадая, стоит
ли продолжать путешествие, теперь уже на своих двоих, или
разумнее вернуться в город.

– Указателей нет, но дорога все время прямо... если это
можно назвать дорогой. Пойдете? – спросил он с сомнением.

– А что делать?

Я расплатилась, вышла из машины и заскакала по обочи-
не с кочки на кочку, а он попытался развернуться. Оглянув-
шись через некоторое время, я увидела, что машина стоит

поперек дороги, а водитель бегаёт вокруг нее, отчаянно матерясь. Неизвестно, как скоро он сможет выбраться. Первоначальный план летел к чертям. Я-то намеревалась попросить таксиста подождать полчаса на окраине деревни, чтобы Вовка машину не увидел и не заподозрил подвоха. Как я теперь буду выбираться отсюда, виделось с трудом. Такси точно не проедет. Пешком, до этого самого... Тихвина, кажется? Может, автобус туда от Кощеева все-таки ходит?

Я продолжала скакать вдоль обочины, с печалью поглядывая на свои сапоги, за которые выложила кругленькую сумму. Боюсь, этого путешествия они могут и не пережить. Где-то за спиной, скрытый соснами, надсадно ревел мотором «Хёндай», должно быть, в грязь он погружался все больше и больше. Дядьку было жаль, сапоги тоже, про себя и говорить нечего. Вся моя затея показалась глупой, а главное, подлой, что особенно неприятно. Вот будет забавно, если Вовка мне обрадуется! И вместо скандала с последующим разрывом придется сливаться с ним в объятиях до самого понедельника!

«Так тебе и надо!» – зло подумала я, хотела зареветь с досады, но тут заметила, что лес начал редеть. А минут через пять он и вовсе кончился.

Со своего места я разглядела с десяток домов и остатки церкви на пригорке. Возле импровизированной пристани из нескольких досок красовались четыре лодки, две с моторами. Где-то звучала музыка.

«Наши гуляют», – машинально подумала я, направляясь к домам.

По мере приближения музыка становилась все громче, теперь к ней прибавились голоса, кто-то, стараясь перекрыть музыку, то ли подпевал, то ли ругался, сразу и не поймешь. Похоже, гуляет большая компания. Вовка об этом ничего не говорил. Сюрприз малоприятный. Чем больше народа, тем проще Вовке отпереться. Тут стало ясно: гуляют возле последнего дома, ближе к реке, значит, Вовку следует искать там. Однако около третьего по счету дома я увидела джип Андрея, он стоял вплотную к крыльцу. Так в этом доме их следует искать или все-таки у реки?

Я поднялась на крыльцо и толкнула дверь. Она распахнулась с натужным скрипом, в доме тишина. Я заглянула в кухню. На столе, возле окна, тарелки с остатками еды, недопитая водка и самовар, самый настоящий, а не электрический. Похоже, все отправились на прогулку. Или продолжили пьянку, переместившись поближе к пристани.

Я уже собралась покинуть дом, когда услышала Вовкин голос:

– Андрюха, это ты? – крикнул возлюбленный, а я, не торопясь отвечать, прошла через кухню и заглянула в соседнюю комнату.

На разобранном диване сидел Вовка и обшаривал карманы джинсов, которые держал в руках, должно быть, сигареты искал. У него просто мания оставлять их в самых неожиданных

ных местах.

– Где сигареты, мать твою?! – неизвестно к кому обращаясь, пробормотал он, поднял голову и замер с открытым ртом, уставившись на меня.

Согласна, мое появление неожиданно, но я же не с того света вернулась, чтобы вот так реагировать. Впрочем, причина Вовкиной оторопи стала понятна очень быстро. Из-под допотопного ватного одеяла торчала пара ног, судя по педикюру – женских, а Вова на диване сидел полностью обнаженным и джинсами в настоящий момент прикрывался совершенно напрасно.

– Алла... – простонал он и попытался натянуть одеяло на чужие ноги. Ноги он прикрыл, но обнажилась рыжая макушка. Мы вместе на нее уставились, после чего я сказала:

– Идиот. – Не придумав ничего более подходящего, я поспешила к выходу. Затевать скандал не хотелось, а Вовку, вопреки всякой логике, было жаль.

– Алла! – заголосил он. Я ускорила.

Вовке требовалось одеться, поэтому догнал он меня в тот момент, когда деревню я уже покинула. Стало ясно: выяснения отношений все же не избежать, что было особенно некстати. Я подумала, у меня есть еще шанс застать таксиста возле ямы, прервавшей наше путешествие, и с божьей помощью вернуться домой без лишних приключений.

– Ты зачем приехала? – догнав меня, первым делом спросил Вовка.

– Соскучилась.

– Могла бы предупредить.

– Я звонила раз пять.

– Здесь связь ни к черту. Я тебя люблю, – заявил он.

– Ага, я поняла.

– Что ты поняла? – Он схватил меня за рукав пальто, а я продолжала упрямо двигаться, торопясь к машине, и тащила Вовку за собой. – Что ты поняла?! Это все... короче, меня все достало... я выпил лишнего... не знаю, как все получилось... Алка, это не имеет никакого значения.

– Для тебя? Не сомневаюсь.

– Только не надо делать вид, что я разбил тебе сердце...

«В самую точку», – чуть не ляпнула я.

– Уверен, ты рада от меня избавиться... Я вообще ничего для тебя не значу.

– Вообще-то это была моя реплика, – вздохнула я. – Ну да ладно. Ты уже все сказал? Пока.

– Куда ты несешься? На чем ты сюда приехала?

– На такси. Ждет меня возле лужи неподалеку.

– Предусмотрительно, – фыркнул он. – Ленка звонила?

– Ты же знаешь, здесь плохая связь. Таксист основательно застрял, но, может, уже выбрался.

– Послушай, – Вовка вновь схватил меня за руку, – давай вернемся в дом, спокойно поговорим...

– Не получится спокойно, ты забыл – там рыжая...

– Хорошо, я вернусь, дождусь Андрюху, возьму у него

ключи от машины и отвезу тебя.

– Вова, я не хочу никуда с тобой ехать, – не догадываясь о том, что судьба дает мне последний шанс, сказала я. – Я вообще тебя видеть не хочу – ни сейчас, ни завтра, никогда.

– Да ради бога... Ты как до города доберешься, дура? На такси? А если этой тачки уже след простыл? Или она вообще из грязи не вылезет? В лесу ночевать будешь?

– К тебе вернусь.

Он выругался сквозь зубы и сказал в досаде:

– Знаешь, что я сейчас думаю? Ты все нарочно подстроила.

– Я тебя в постель с рыжей уложила?

– Да ты меня просто достала! Сроду не видел такой стервы... Кто тебя в лесу ждет? Давно его подцепила?!

Короче, без скандала не обошлось, орали мы отчаянно и оттого быстро выдохлись. Я рывкнула:

– По крайней мере, я не тащу в свою постель кого пошло...

– Откуда мне знать?

– Пошел ты!.. – Я бросилась в лес, он крикнул вдогонку:

– Катись куда хочешь! – и побрел к деревне.

Теперь все мои мысли были о такси, точнее, о том, как выбраться отсюда. Я слышала рев мотора, который то стихал, то вновь нарастал. Вылезет из ямы или нет? Неужто придется к Вовке возвращаться? Надо было спросить, есть ли в деревне трактор. Никакого трактора я не видела, но – как знать...

Звук мотора вскоре стих, а я, достигнув той самой лужи, едва не заревела с досады. На том месте, где я в последний раз видела такси, разбросанный лапник и свежий след на обочине. Выбрался-таки. И уехал.

Привалившись спиной к дереву, я достала мобильный. Связи нет. Отлично. У меня два варианта. Вернуться в деревню, дожидаться Андрея и попросить его отвезти меня в такое место, куда такси гарантированно доедет. Возвращаться не хочется, точнее, нет желания вновь увидеть Вовку и его рыжую. Второй вариант, менее затратный в плане нервов, но проблемный: топать до Тихвина пешком. Три километра по грязи. Это если таксист не напутал с расстоянием.

Я уныло направилась к деревне, дорогу в Тихвино следует искать где-то там, будет время решить, что делать. Прошла я не больше сотни метров, когда услышала шум двигателя.

«Должно быть, Вовка», – успела подумать я и, торопливо развернувшись, зашагала все к той же яме.

Машина и впрямь вскоре появилась, но не Андрюхин джип, а серебристый «Рендровер», вызвав у меня легкую оторопь: откуда он здесь взялся? Особенно размышлять я над этим не стала и отчаянно замахала руками, призывая водителя остановиться. Машина замерла, дверь со стороны пассажира распахнулась. За рулем сидела девица лет двадцати пяти с растекшимся по лицу макияжем.

– Садись! – крикнула она, и я поспешно села. – Ты откуда? – с любопытством взглянув на меня, проявила она инте-

рес.

– Из Кошечева.

– А-а... Из третьего дома, что ли? Там тачка стояла...

– Да, из третьего.

– А чего пешком?

– С парнем поссорилась.

– Дела... – Она громко рассмеялась. – Я со своим тоже поссорилась. Такой урод, блин...

– Там впереди яма, – кивнув на дорогу, сообщила я.

– Да видела я эту яму... моя тачка где угодно пройдет.

Красавица моя, – девица смачно поцеловала руль. – Тебя как звать?

– Алла.

– А меня Ира. Будем знакомы. А чего с парнем не поделили?

Я зажмурилась, потому что в этот момент мы влетели в яму, я ожидала самого худшего, но джип, как ни странно, ее преодолел.

– Я ж говорила, – хмыкнула Ира. – Чего с парнем-то, спрашиваю? Кстати, тебе в город?

– Да. Конечно.

– Ага. Рассказывай, дорога дальняя.

– Нечего особенно рассказывать... просто поругались... ни с того ни с сего...

– Ага. Блин, что за мужики пошли, а? Одни придурки, мать их...

Тут до меня дошло, что девица, мягко говоря, не трезва. Мутный взор, запах, и некоторые проблемы с речью прозрачно на это намекали.

– Вот мой... приволок меня сюда на рыбалку. Оно мне надо? Конечно, нет. Но я поехала. Декабристка, блин... Он с утра отправился на речку... я не возражала. Выспалась до обеда. У него своя программа, у меня – своя. Пришел, я ему говорю, как человеку: иди ко мне, милый. И что? Неудобно, говорит. Типа его друзья не знают, чем парень со своей девчонкой занимается. Не-у-доб-но, – по слогам повторила она. – У меня такое чувство, что они трахаться вообще разучились. Вроде как без надобности. Я ему говорю: ты, идиот, зачем меня сюда привез?.. Знаешь, что я думаю? Ему просто тачка моя понадобилась. На своей колымаге он бы сюда точно не проехал.

Я ее не особенно слушала, тем более что мое участие в беседе вроде бы не предполагалось, зато всерьез переживала, как мы доберемся до ближайшего населенного пункта. Мало того что девица нетрезвая, я вовсе не была уверена, верной ли дорогой мы едем. Вполне могли взять левее или правее. Дорог, как я уже говорила, здесь множество.

– Ира, – не выдержав, позвала я, – ты дорогу знаешь?

– А где ты здесь дорогу видишь? – засмеялась она.

– Я серьезно. Помню, на обочине сосна лежала, вырвало с корнем... Мы уже должны были ее проехать.

– Да ладно, дорога есть, значит, куда-нибудь выедем...

Главное, чтоб бензин не кончился.

Тут я обратила внимание на сигнальную лампочку.

– Давно горит?

– Километров на пятьдесят хватит... На шоссе заправок полно.

«На шоссе еще выбраться надо», – подумала я.

Через десять минут я уже не сомневалась: не туда мы едем. Деревья стояли сплошной стеной и слишком близко, ветви то и дело стучали по лобовому стеклу. Дорога становилась все уже, колея все глубже. Ирка на это наконец тоже обратила внимание.

– Глянь навигатор, может, чего покажет.

Я достала смартфон и очень быстро убедилась: связи нет.

– Вот блин... Здесь, на хрен, и не развернешься. Будем надеяться, что эта дорога нас к жилью приведет.

– Здесь заповедник, – сказала я.

К разговорам Ирка охладела, и я тоже. Минут через пятнадцать мы выехали на поляну, и я вздохнула с облегчением, но длилось оно недолго. Дорога здесь расходилась на две. И куда сворачивать? Направо, налево?

– Что скажешь? – спросила Ирина, глядя на меня.

Я вновь достала смартфон, связи по-прежнему нет.

– Ты здесь раньше бывала? – задала я вопрос. – Хотя бы представляешь, где мы?

– Понятия не имею. Я ж со своим парнем ездила. Он говорил, куда... Чего было напрягаться и что-то там запоминать?

– Сейчас бы пригодилось.

– Бросай монетку, – предложила Ирка.

– Глупости...

– Бросай, чтоб потом не думалось.

Монетку бросили, выпало сворачивать направо. Перед тем как Ирка завела мотор, я вышла из машины и прислушалась. Была надежда уловить звук работающих двигателей, тогда был бы шанс определить, в какой стороне шоссе. Тишина. Только ветер качал верхушки сосен, да поскрипывал сухостой.

Страх подкрался внезапно и плотненько так накрыл. Лестайл угрозу. Точно в фильме ужасов, когда музыка за кадром тревожная, напряженная, готовит к тому, что вот сейчас произойдет что-то жуткое...

Я торопливо огляделась и полезла в машину, но недавний страх не прошел бесследно.

– Может, нам лучше вернуться? – неуверенно спросила я.

– Может, – пожалала Ирка плечами. – Ты дорогу назад найдешь? Я – вряд ли. Здесь же, блин, все изъезжено...

– Но... ведь следы от машины остались?

– Отличишь старый след от нового?

– Не знаю. Хотя... наверное, отличу.

– Наверное, – передразнила она. – А если не отличишь? И будем плутать до скончания века? Есть дорога, она куда-то выведет... Лишь бы бензину хватило...

Дорога становилась все хуже, через десять минут я уже

жалела, что мы сюда свернули. Но выбора не было, из колеи уже не выбраться.

– Это след грузовой машины, – брякнула я, чтоб не сидеть в молчании.

– Да мне по хрену, куда-то она ехала...

Еще через десять минут мы вновь оказались на лесной поляне. Дорога здесь неожиданно оборвалась. Вокруг пеньки и гора веток.

– Отсюда лес вывозили, – вздохнула я. – Скорее всего несанкционированная вырубка...

– Нам-то что с того? – разозлилась Ирка, пытаясь развернуться.

– Это значит, мы далеко от жилья и от дороги.

В следующий момент данное открытие перестало особо волновать – появился повод похуже. Задние колеса теперь вращались вхолостую, мотор ревел, машина оседала все глубже.

– Давай, милая! – орала Ирка, но вскоре и до нее дошло: без посторонней помощи нам не выбраться.

Ирка вывалилась из салона, взглянула на машину, обляпанную грязью по самую крышу, и матерно выругалась.

– Все, приехали. Правду говорят: чем круче джип, тем дальше бежать за трактором.

– Сбегать я не против, – вздохнула я, – знать бы куда.

– Да не бойсь, прорвемся, – подходя ко мне, сказала Ирка. – У меня в багажнике пузырь коньяка, со стола прихва-

тила, чтоб не скучно было. Согреемся...

– У тебя бензин на нуле, ночью будет холодно, мы в твоей тачке замерзнем. Выбираться надо сейчас, пока светло.

– Как выбираться-то?

– Ножками.

– А машина? Ее что, тут бросить?

– Давай так, – предложила я. – Сиди здесь, а я вернусь к развилке и попробую пройти в другую сторону... Либо вернусь назад в Кошеево. У Андрея джип, он тебя вытащит. Или трактор найдем...

– Ты меня-то как найдешь, умница?

– Отмечать дорогу буду... ветками. У тебя, случайно, ножа нет?

– Нет.

– Жаль. Ну что, идем вместе или мне одной?

– Иди. Я сигналить буду, может, кто услышит. Блин, глухомань, какого черта я сюда потащилась?! В городе мне не пилося...

– Я пойду. Времени в обрез...

– Давай... – кивнула Ирка, садясь в машину. И принялась сигналить, а я торопливо зашагала по обочине, ноги то и дело соскальзывали в грязь.

«Далеко я так не уйду», – решила я с беспокойством, в сотый раз, наверное, взглянув на мобильный. Если темнота застанет меня в лесу, придется идти по колее, пока сил хватит... Думать о таком не хотелось. Автомобильный сиг-

нал вдруг стих, я замерла, прислушиваясь, а потом услышала Иркин голос:

– Алла, подожди!

Вскоре она появилась в просвете между деревьями, бежала бегом, длинный шарф волочился по грязи.

– Чего-то жутко одной, – сказала она, поравнявшись со мной. – Может, зря мы от тачки уходим?

– Знать бы, что кто-то тут появится... – вздохнула я. – А так... можем неделю здесь просидеть.

– Ну, пошли. Пузырь я с собой прихватила, – засмеялась она, бутылка торчала из кармана длинного пальто.

– Жаль, что воды нет.

– Да ладно, коньяк отлично утоляет жажду.

Когда мы подошли к развилке, пошел снег. Небо потемнело, сырые хлопья оседали на землю и тут же таяли. Ветер усилился и пробирал до костей. Ирка плелась сзади, без конца болтала, и это успокаивало. Я не особо вслушивалась, но была ей благодарна, рассказы о ее любовных похождениях отвлекали. Она вряд ли понимала всю серьезность нашего положения, верно говорят: пьяному море по колено. К моему облегчению, на свежем воздухе она малость протрезвела, по крайней мере не падала. Бутылку я у нее на всякий случай отобрала, жутко было подумать, что мне Ирку придется на себе тащить, если она решит «принять успокоительного». Через каждые метров четыреста-пятьсот я обламывала ветку и бросала ее на дорогу, чтобы по ним можно было найти

Иркину машину.

Время от времени я поглядывала на мобильный. Связи не было. Один раз показалось, что где-то рядом проезжает машина. Мы дружно замерли, а потом принялись орать. Выдохлись быстро, стояли, подняв головы к серому небу, и вновь вслушивались в тишину.

– Идем, – вздохнула я.

Судя по времени, мы прошли никак не меньше шести километров, человек за час проходит примерно пять, дорога ни к черту, но мы идем уже почти полтора. Пока я размышляла над этим, мы вновь оказались на распутье, перед дилеммой: дорога вывела нас к другой дороге, перпендикулярной той, по которой мы шли. Куда сворачивать – налево, направо?

– Черт, – пробормотала я.

– Да уж, – кивнула Ирка. – Давай по глотку, я замерзла.

– Лучше подумай, куда идти.

– Место проклятое... ага... бабка так говорила. Леший водит.

– Вот только лешего нам не хватало. – Я открыла бутылку, сделала глоток и протянула Ире. Зубы ее стучали по горлышку бутылки, так несчастную трясло от холода.

– Опять монетку бросим? – спросила она.

– Шоссе должно быть в той стороне... – начала я рассуждать вслух, – мы все время идем прямо... Значит, надо держаться правее.

– Надо, так подержимся, – кивнула Ирка.

Мы свернули, а минут через двадцать я увидела первую ветку. Сосновую, прямо посередине дороги.

– Черт! – заорала я, почувствовав настоящую панику, и из последних сил припустилась бегом.

Вторая найденная ветка подтвердила худшие подозрения. Мы шли по кругу и вернулись на ту же дорогу. Как это могло произойти? Я-то была уверена: мы все время шли прямо.

– Хреновый из меня следопыт, – вздохнула я, привалившись к дереву.

– Чего делать-то? – потирая плечи, спросила Ирка.

– Возвращаться.

– Куда?

– К машине. Получается, это та самая развилка... Поворачиваем и идем прямо.

Все вроде бы так, но кое-что настораживало: в грязи следов протектора я не заметила... Мы вернулись к развилке и теперь почти бежали, торопясь увидеть поляну и Иркину машину. Через полчаса стало ясно: она не могла быть так далеко. Но мы шли еще с час, прежде чем стало понятно: мы окончательно заблудились. Дорога впереди делала поворот, а я никакого поворота не помнила. Связи нет, через полчаса стемнеет.

– Ты куришь? – спросила я.

– Курю, – кивнула Ирка, – в пачке штук пять осталось...

– Зажигалка есть?

Она пошарила в карманах и протянула мне зажигалку.

– Надо веток набрать, сухих, пока еще светло. Как можно больше. Чтоб до утра хватило костер жечь.

– Ты че, серьезно? Будем в пионеров играть?

– В бойскаутов, иначе замерзнем.

– Может, лучше попробовать еще раз? Куда-то эта дорога ведет?

– В темноте мы даже своих веток не увидим и будем ходить по кругу. Дотянем до утра, тогда и попробуем еще раз.

Мы стали собирать ветки, складывая их возле поваленного дерева, на вид сухого. Я понятия не имела, как буду разжигать костер. В сумке из бумаги – лишь завалявшийся рецепт и квитанция на оплату электричества. Раньше люди с записными книжками ходили, вот были времена... Черт, у меня же с собой книжка! Как я могла забыть! Любовный роман, взятый на всякий случай. Только бы веток побольше собрать...

Стемнело очень быстро, небо в просвете между деревьями еще серело, а внизу уже мгла.

– Не уходи далеко! – крикнула мне Ирка, в голосе страх. Себе я бояться запретила. У нас один враг – холод. Не сможем развести костер и поддерживать огонь – замерзнем. Господи, что за хрень! Двадцать первый век, люди на Марс лететь собираются, а мы загнемся в семидесяти километрах от губернского центра, вполне возможно, всего в нескольких метрах от шоссе...

И тут, точно в ответ на мои мысли, Ирка закричала:

– Смотри!

Она тыкала пальцем в темноту и повторяла:

– Смотри, смотри, свет!

Мне показалось или между деревьями в самом деле мелькнул огонек? Свет фар? Не сговариваясь, мы бросились вперед, отчаянно вопя. Ирка упала, я помогла ей подняться, и мы, взявшись за руки, побежали дальше. Ветви били по лицу, я то и дело спотыкалась, Ирка, отпустив мою руку, согнулась, пытаюсь отдышаться, я в отчаянии оглядывалась. Никаких огней. А вот найдем ли мы теперь набранные нами ветки для костра, большой вопрос.

– Да что ж это такое! – пробормотала я.

И тут поняла, что мы вышли к дороге. Просвет между деревьев позволял на это надеяться. Так и есть, пройдя еще с десяток метров, я оказалась в колее, по щиколотку в грязи, но со вспыхнувшей вновь надеждой. Значит, здесь действительно проехала машина? Почему же мы не слышали звука мотора? Из-за ветра?

– Идем, – сказала я Ирке.

Плутать в лесу в поисках запасенных веток смысла не было. Если повезет, эта дорога выведет нас к жилью или к шоссе.

Я настроилась на то, что идти придется долго, оттого все последующее явилось полной неожиданностью. Впереди вновь мелькнул свет. Но вовсе не свет фар. Это больше походило на фонарь. Непонятно только, почему он то появлял-

ся, то исчезал. Буквально через пять минут мы уперлись в забор. Добротный, металлический, с кирпичными столбами.

– Чего это такое?

– Все равно, лишь бы люди здесь были. Любой сарайчик вполне сгодится.

Мы пошли вдоль забора, он казался бесконечным, но через некоторое время мы уже стояли возле ворот. Рядом была калитка. Незапертая. Я толкнула ее и в нескольких метрах от себя увидела дом. В окнах первого этажа горел свет. Прямо напротив – крыльцо, сбоку – какая-то постройка. Под окнами стояла машина. Джип.

– Ура! Люди! – завопила Ирка, взбегая на крыльцо. Под козырьком вспыхнула лампочка. Должно быть, ее мы и увидели, находясь в лесу. Автоматически включается, когда кто-то поднимается по ступеням.

Ирка подергала входную дверь. Заперто. Дверного звонка не оказалось, и она принялась стучать. Щелкнул замок, а потом послышался голос:

– Кто?

– Откройте, пожалуйста! – заголосила я. – У нас машина застряла, мы в лесу заблудились.

Дверь после довольно продолжительной паузы приоткрылась. На пороге стоял молодой мужчина. В свете лампы я хорошо видела его лицо, курносое, с аккуратной бородкой, близко посаженные глаза смотрели настороженно. Он неспеша нас разглядывал, чуть отведя руку назад.

«Что у него там? – подумала я. – Мы незваные гости, а здесь место глухое...»

– Миленький, – запричитала Ирка, – пусти в дом, замерзли, жуть...

Она то ли смеялась, то ли плакала, сразу и не понять.

– Ну, заходите, – сделав шаг в сторону, парень пропустил нас и запер за нами дверь. Ключ убрал в карман, что от меня не укрылось. Впрочем, с его стороны это разумная предосторожность, ведь мы могли быть не одни. В руках у него, кстати, ничего не было. Хотя кто знает, что он прячет под широкой рубахой навыпуск? Обут он был в армейские ботинки, подошвы грязные, странно, что он в них ходит дома. Может, только перед нами вошел?

Я быстро огляделась. Внутри, как, впрочем, и снаружи, дом вовсе не походил на лесную хижину, отделка недешевая. Небольшой холл плавно перетекал в кухню-гостиную. Мягкая мебель, плазма, ковер на полу.

Возле стены, отделявшей зону кухни, стоял еще один парень. На вид лет тридцать. Те же армейские ботинки, толстовка с капюшоном. Сложив на груди руки, он насмешливо на нас поглядывал. Третий парень появился из-за ближайшей двери, его физиономия мне особенно не понравилась. Подлая физиономия. И улыбка тоже.

Я почувствовала беспокойство: неизвестно, что хуже – замерзнуть ночью в лесу или оказаться в этом богом забытом месте в компании троих мужиков.

Ирка, усевшись на диван, трещала о том, что они наши спасители. Стащила промокшие сапоги и пальто. Я жалась ближе к камину. Поленья в нем успели прогореть, не похоже, что парни только что приехали. Ирка бухнула на журнальный столик початую бутылку коньяка, радостно возвестив:

– Только этим и спаслись.

Я раздеваться не спешила, встала спиной к камину, надеясь согреться.

– Чего у вас случилось? – вполне по-человечески улыбнулся тот, что стоял возле кухни, и направился ко мне. – Куртку на спинку кресла повесь, – кивнул он мне, – она вся промокла.

Я сняла куртку, он повесил ее и кивнул мне на диван.

– Садись, плед возьми... Рассказывайте...

Я рассказала о нашем приключении, Ирка то и дело лезла с комментариями.

– Подружка у тебя всегда бухая ездит? Или это ты за рулем?

– Мы выпили после того, как застряли, – начала оправдываться я. – Хорошо, что в машине нашлась бутылка...

– Это да. Ночью мороз обещают.

– Здесь связь есть? – задала я вопрос.

– Шутишь? Это ж дурий угол.

– А домашний телефон?

Парни дружно усмехнулись, один из них покачал головой:

– Нет.

– Что здесь? Деревня?

– Бывший приют охотников, – ответил он. – До ближайшей деревни километров двадцать.

– Вы не могли бы нас отвезти? У меня дежурство, до десяти надо в город вернуться...

– Что-нибудь придумаем... Тебя как звать, красавица?

– Алла.

– А меня Дима, это Костя, – кивнул он на парня в рубаше, – а это Кирилл.

– Очень приятно, – заявила Ирка и представилась.

– Может, мы сразу поедem? – предложила я.

– А куда спешить? – усмехнулся Кирилл, опускаясь на диван рядом с Иркой.

– Родители беспокоятся, – продолжила я врать. – Я уже дома должна быть...

– Придется подождать. Тачка у нас сломалась. Вот сидим, кумекаем, что можно сделать. Утром пехом собирались в деревню... Может, на буксир кто возьмет.

Он даже не особо старался, чтобы его слова звучали правдиво.

– Ясно, – кивнула я. – Значит, и нам придется пешком... – Я потянулась за курткой.

– Да ладно, ладно, – усмехнулся Дима, он из этой троицы представлялся самым внятным. – Кирюха у нас мастер, репу почешет и починит тачку, дождетя, когда снег малость стихнет... не то вымокнет весь.

– Тогда, может, выпьем? – предложила Ирка, с пьяных глаз все происходящее видевшая совсем не так, как я. Беспокойства в ней не чувствовалось.

– Точно. За знакомство. Костя, неси какую-нибудь посуду!

Костя нехотя отправился в кухню, откуда вернулся с чашками. Кирилл разлил коньяк и произнес:

– За знакомство.

– Наверное, за рулем пить не стоит, – пробормотала я.

– Думаешь, здесь есть шанс на ментов нарваться? – засмеялся Костя. – Ты хоть одного встретила? Пей, красотка. Не бойся.

При слове «менты» они хмыкнули, и на физиономиях появились малоприятные ухмылки. Сделав глоток, я поставила чашку.

– Что так слабо? За знакомство грех не выпить, – заметил Кирилл.

– Есть чем закусить? – спросила я.

– Пошарь на кухне. – Он пожал плечами.

Я поспешно отправилась в кухню, Дима шел за мной. Распахнул дверцу холодильника. Тот был буквально забит продуктами. Парень присвистнул.

– Глянь, какая красота!

«Он что, раньше в холодильник не заглядывал?» – подумала я, а вслух спросила:

– Чей это дом?

– Дружка.

– Кости или Кирилла?

– Нет... он собирался позже подъехать. Ну что, готовь закусь, а мы с Кирюхой глянем, что там с тачкой. Костик пока твою подружку развлечет...

Он направился к выходу, а я к мойке – и испуганно замерла. В мойке лежал нож с окровавленным лезвием.

– Шашлык готовили, – услышала я над самым ухом и вздрогнула от неожиданности. Дима стоял за моей спиной. – Вы малость опоздали. Отличный получился шашлык.

Он весело подмигнул, а я попробовала улыбнуться. Осторожно взяла нож, открыла воду. Вода, смешавшись с кровью, уходила в водосток, Дима наконец ушел, а я смогла перевести дух.

«Господи, чего я так испугалась?»

Но страх не уходил. Я напряженно прислушивалась к тому, что происходит в гостиной. Там остались лишь Ирка с Костей. Ирку то ли в тепле разморило, то ли она еще успела выпить, язык у нее заплетался.

– Видал, как я могу? – хихикала она.

– А что ты еще можешь?

Вновь хихиканье и невнятное бормотание.

«Дура, мать ее», – в досаде думала я, нарезаю салат. Жалюзи на окне прямо передо мной были приподняты. Я попыталась разглядеть двор. Навес, и под навесом машина. Здоровенный джип. Такой по любой грязи проедет. Разговоры

про сломанную машину – не более чем уловка. О намерениях парней догадаться нетрудно. Вот уроды... Главное, не поддаваться панике. И их не провоцировать.

Тут я заметила возле джипа мужчину. Он открыл багажник и что-то достал оттуда, а через мгновение уже скрылся за углом. В темноте я не могла разглядеть ни его лица, ни того, что он держит в руках. Но это совершенно точно не Кирилл и не Дима. Мужчина выше ростом и крупнее. Выходит, их четверо? Я торопливо достала мобильный, набрала номер Вовки, один гудок... Я едва не задохнулась от радости, но теперь в трубке стояла тишина. Я подняла руку с зажатым в ней мобильным, надеясь, что связь появится.

Рядом – лестница на второй этаж. Я поднялась на несколько ступенек, проверяя связь. Может, на втором этаже она лучше? Я бегом припустилась наверх. Из гостиной доносились совсем уж невнятные звуки, значит, Косте не до меня. В том, что его оставили за нами приглядывать, я не сомневалась.

Я вновь набрала номер, и тут взгляд мой с дисплея мобильного переместился на пятно на полу. Даже в полумраке на светлых досках пола оно было отчетливо видно.

«Что это?» – испуганно подумала я, уже зная ответ, но разум не хотел с ним соглашаться. Забыв про телефон, я огляделась. След тянулся по коридору от самой дальней двери к той, перед которой я сейчас стояла. Я толкнула дверь. За ней царил темнота. Тяжело дыша, я торопливо нащупала

выключатель, свет вспыхнул, и я пораженно замерла.

Увиденное словно распадалось на фрагменты, не желая собираться в целое, настолько чудовищным оно было. Запах... Этот ужасный запах... До меня не сразу дошло: так пахнет кровь. Жуткий запах бойни... На белой плитке пола она растеклась огромным пятном, свет ламп отражался в ней как в зеркале. Ванна тоже в потеках крови, с одного края свисала мужская рука с отрезанным пальцем. Мужчина лежал лицом вниз, светлая футболка потемнела от крови. Под ним был еще труп, судя по длинным волосам, женский. А под ним... под ним еще один. Их свалили в ванну, точно ненужный хлам. Согнувшись, как от удара в живот, я попятилась, испугавшись, что закричу. Ужас бился во мне, не находя выхода. Я выключила свет, закрыла дверь и с минуту стояла, упираясь лбом в стену. Внизу слышались голоса, и это привело меня в чувство. Очень быстро я спустилась с лестницы, практически бесшумно и почти не дыша. Меняхватило на то, чтобы еще раз набрать номер. Связи по-прежнему нет. Спрятав мобильный в карман, я принялась нарезать салат с удвоенным рвением. Самое главное – не паниковать. Если я выдам себя, нам конец.

Там, в ванной, скорее всего хозяева дома. Убийство произошло незадолго до нашего появления. Господи... Эти парни – бандиты. Чего они хотели? Ограбить хозяев? Те оказали сопротивление? У Кости под рубашкой был пистолет, я почти уверена в этом. Он держал его в руке, когда открывал

входную дверь... Нам не выбраться отсюда. Мы видели их лица, они назвали имена, может, не свои, но это ничего не меняет. Попытайся выпрыгнуть в окно? Перелезть через забор, бежать в лес. В темноте есть шанс где-то укрыться. А Ирка? Я не могу ее оставить. Надо что-то придумать... Главное – ничем себя не выдать.

Я слышала голоса Димы и Кириллы, которые над чем-то весело смеялись в гостиной. Дима заглянул в кухню.

– Все трудишься? – спросил весело.

– Ты не против, если я мясо пожарю? Есть очень хочется...

– Да ради бога... А твоя подруга нашла занятие поинтереснее.

– Да? – Голос слегка дрожал, с этим ничего не поделать. Руки тоже ходили ходуном. Надеюсь, он решит, что я никак не могу согреться, вот голос и дрожит.

Я поставила сковородку на огонь, стараясь держаться к Диме спиной, чтобы он не видел моего лица. Успокоиться, сейчас главное успокоиться...

– Где у вас лук? – спросила я.

– Понятия не имею.

Он ушел, я вздохнула с облегчением. Но оно длилось недолго. Думай, думай, что делать. Оглянувшись, я взяла нож, сунула его за ремень джинсов. Я смогу им воспользоваться? Черт знает, но лучше, если будет хотя бы это. Усмиряя дрожь, я выглянула в гостиную. Ирка, развалясь на ди-

ванных подушках, пьяно смеялась, глядя на Костю, сидевшего рядом.

– Где у вас можно умыться? – громко спросила я.

– Вон там, – кивнул Дима на одну из дверей первого этажа.

– Идем-ка, подруга, – подойдя к Ирке, я схватила ее за руку и потащила за собой.

– Куда? – возмутилась она.

– Сейчас увидишь.

Я впихнула ее в туалет, закрыла дверь и, прижав Ирку к стене, перешла на шепот:

– Надо сматываться. – Сказать ей о трупах? Не сделать бы хуже... Во-первых, не поверит, во-вторых, запросто может проболтаться. – Ты что, не видишь, что происходит? Нельзя здесь оставаться.

– Я помню, тебе на работу... На хрена тебе работа, а? Сегодня суббота, между прочим.

– Здесь четверо мужиков, а ты пьяная в хлам.

– Ну и что? Я не возражаю против веселенькой групповухи.

– Это сейчас, а когда проспидишься? Ты их знать не знаешь.

Что им взбредет в голову?

– Да ладно, нормальные ребята.

Я тряхнула ее так, что она ударилась головой о стену.

– Слушай меня. Сейчас я скажу, что тебе пора отдохнуть.

Если тебя отправят спать, запирай дверь и сразу же выбирайся в окно. Беги в лес и спрячься.

Ирка, как ни странно, смотрела вполне осмысленно и даже кивнула.

– Если не получится... старайся держаться рядом. При первой возможности бежим. Поняла?

– Ладно, чего ты?.. Если тебе надо на работу, хорошо, поехали. Я здесь одна не останусь. Слушай, а мы тачку мою найдем?

– Для начала нам надо оказаться в населенном пункте. Любом. И сразу сообщить в полицию.

– Зачем?

– Затем, чтобы твою машину нашли.

Я еще раз объяснила ей, что она должна делать, Ирка согласно кивала, потом умылась, и мы покинули гостевой туалет.

Теперь парни сидели так, что перекрывали проход к входной двери, на лестницу и к окнам. В другое время я бы не обратила на это внимание, а сейчас с ужасом отмечала каждую деталь.

– Алка говорит, я пьяная дура, – заявила Ирка. – У вас есть место, где я могла бы малость покемарить? Вернуть себе этот... человеческий облик? – хмыкнула она.

Я мысленно вздохнула с облегчением, Ирка молодец, получилось вполне естественно, а главное, она поняла, что надо делать.

– Серьезная у тебя подруга, – сказал Кирилл, из троицы он представлялся самым опасным.

– Зануда, – кивнула Ирка. – Вообще-то она права, чего-то я сегодня разошлась.

– Вон там комната, – сказал Дима, – располагайся.

– Я тебя позову, когда все готово будет, – сказала я, возвращаясь в кухню.

Дверь за Иркой закрылась. Моя задача – как можно дольше оставаться возле плиты, поближе к окну, возвращаться в гостиную нельзя, там у меня никаких шансов, входную дверь наверняка опять заперли.

Надеюсь, Ирка уже из комнаты выбралась, только бы эта пьяная дура не подняла шум. Тут я вспомнила о человеке, которого видела возле навеса. Если четвертый ходит вокруг дома, нас непременно поймают. Понадобится время, чтобы перелезть через забор, да и не ясно, справлюсь ли я с этим. Значит, надо незаметно пробраться к калитке. Косясь на парней в гостиной, которые тихо переговаривались, потягивая коньяк, я приоткрыла окно. Если спросят, скажу, что здесь душно.

Я нарезала хлеб, когда в кухне появился Дима.

– Ты тут не заработалась?

– У меня почти все готово, – улыбнулась я. – Можно на стол накрывать.

Он попытался улыбнуться в ответ, и тут взгляд его замер. Он смотрел на лестницу, я тоже взглянула и похолодела от ужаса: на ступеньке виднелся кровавый отпечаток. Я умудрилась задеть подошвой кровавый кисель в ванной. У ме-

ня не было времени оценить ситуацию, и действовала я на автомате. Схватила сковородку с плиты и швырнула в лицо Димке. Он взвыл, отшатнувшись, а я бросилась к окну, не спрыгнула, а вывалилась на землю, с ужасом думая, что путь к калитке отрезан. Те, кто в гостиной, окажутся там гораздо раньше, чем я.

До забора оставалось несколько метров, когда я увидела, что рядом с навесом есть еще калитка, и сейчас она чуть приоткрыта. Будь у меня время подумать, я бы решила, что это может быть ловушкой, но времени ни на что не было, я не оборачивалась, но по тяжелому дыханию за спиной знала: преследователи совсем рядом. То, что они бежали молча, пугало еще больше.

Я в панике гадала, что меня ждет по ту сторону калитки. Если поблизости укрыться негде, мой побег продлится недолго. Лес стоял за забором сплошной стеной, темнота обступила мгновенно, спасительная темнота. Но и опасная. В темноте они меня не увидят, если не обзаведутся фонариками, но и я ничего не вижу, и если не сверну себе шею, то запросто наткнусь на своих преследователей. Вдруг я поняла, что за спиной все стихло. И замерла на месте. Эти гады пытаются понять, где я.

Осторожно опустилась на корточки, прислушиваясь. Тишина такая страшная, нереальная тишина. Мне казалось, это тянулось вечность.

– Слышишь что-нибудь? – спросил Костя совсем рядом

со мной.

– Нет.

– Эта сучка где-то здесь.

– Само собой здесь, только где?

– Надо тачку подогнать. Фары мощные... прочешем здесь все... пойдём.

Я услышала шаги, а потом хлопнула калитка. Вскочила и бросилась бежать. У меня всего несколько минут...

Послышался шум мотора, а потом вспыхнул свет, очень яркий в темноте, но за секунду до этого я оступилась и полетела в канаву прямо на сложенный здесь лапник. У меня еще хватило сил укрыться ветками, прежде чем я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, вокруг была темнота. Меня трясло от холода, зубы стучали так, что их просто не могли не слышать за десяток метров. Надо двигаться, иначе замерзну. Я выбралась из своего укрытия, в отчаянии поняв, что не знаю, в какую сторону идти. Я не помню, где дом, и пока, чего доброго, не упрусь в забор, так этого и не узнаю.

Обхватив себя за плечи, я беспомощно оглядывалась. Небо без звезд, деревья со всех сторон... Хватаясь за стволы сосен, я шла вперед. Кое-где еще лежал снег, я растерла им лицо, жадно хватала его ртом, дыхание с хрипом вырывалось из горла. Я подумала об Ирке. Где она? Бредет, как и я, в лесу? Мне хотелось ее позвать, вдруг услышит? Но услышать

могли и эти гады. Надеюсь, она сбежала от них. Точно сбежала. И оставила калитку открытой, иначе бы я не выбралась.

Нож я потеряла, умудрившись порезаться, нащупав мобильный, едва не завопила от радости. Однако связи по-прежнему не было. Можно использовать его как фонарик, но, во-первых, опасно, свет могут заметить, а, во-вторых, лучше поберечь зарядку. Главное – не нарваться на этих упырей, а еще двигаться, двигаться, чтобы не замерзнуть.

Около двенадцати ночи я вышла на дорогу и даже не сразу поняла это в кромешной тьме. Я в очередной раз проверила, не появилась ли связь, посмотрела, который час. До утра еще слишком долго, а сил у меня попросту не осталось. Лучик света плясал возле моих ног, и до меня дошло, что стою я в колее.

– Господи, – простонала я, не веря в свое счастье. Надеяться на местные дороги не приходится, но это лучше, чем плутать среди деревьев. Конечно, дорогой могут воспользоваться и мои преследователи, но звук мотора я услышу и успею спрятаться. По крайней мере я в это верила. И почти сразу услышала шум двигателя. Бросилась в сторону и опустилась на колени, стоять сил уже не было. Я не сомневалась, что увижу джип этих психов, кому еще взбредет в голову ездить в такое время, но вскоре на дороге появился грузовик, огромный лесовоз. Я выскочила чуть ли не под колеса, отчаянно размахивая руками и, наверное, представляя собой дикое зрелище: девица в джинсах и свитере в середине марта, с

головы до ног перемазанная грязью. Машина остановилась, дверь приоткрылась, и мужской голос спросил:

– Ты откуда здесь?

– Помогите, – по слогам произнесла я, точнее, прошептала, заваливаясь на высокую подножку.

– Чего делать-то, Петрович? – как будто сквозь толщу воды услышала я голос.

– В кабину ее давай, вот чего...

Дверь распахнулась шире, чьи-то руки втянули меня в кабину. Двое пожилых мужчин разглядывали меня, словно дикий зверя.

– Мне срочно надо позвонить, срочно...

– Чего делать-то, Петрович?

– Возвращаться, ешкин кот... Девка замерзла, еще и не доведем...

Уже после я узнала, что в ту ночь Господь послал мне мужичков, воровавших лес для постройки бани. Вырубка в заповеднике запрещена, вот они и трудились по ночам.

Через полчаса мы были в деревне. Все это время я отчаянно тарасила глаза, боясь отключиться. Мужикам ничего не рассказывала, знать не зная, кто они такие и как отреагируют. Очень может быть, что попросту выкинут из кабины.

С мобильной связью и в деревне оказалось не лучше, зато был телефон-автомат. Прямо возле дороги, рядом с единственным магазином. Я набрала телефон службы спасения и по возможности толково сообщила, где нахожусь в насто-

ящее время и что со мной случилось до этого. Была почти уверена, что моему рассказу не поверят, а если и поверят, то далеко не сразу. Еще вопрос, что произойдет раньше: они примут мой рассказ к сведению, или я лишусь сознания.

В действительности это произошло одновременно: я свалилась, не успев договорить, но к звонку отнеслись более чем серьезно, и этим я была обязана Вовке.

Он таки нашел Андрея (тот с подругой отправился вдоль берега реки в поисках места для рыбалки), взял ключи от машины и поехал за мной. И, не обнаружив на лесной дороге, начал беспокоиться. Звонил мне, я не отвечала. Между делом выяснилось, что девушка, то есть Ирка, отдохавшая с компанией тут же в Кошечее, отправилась на машине в город. Она, скорее всего, меня и подобрала. Это Вовку отнюдь не успокоило, так как соседи сказали, что та была навеселе.

Кончилось тем, что Вовка на джипе Андрея поехал в город, стараясь придерживаться нашего маршрута и ориентируясь на свежий след. Это ему удалось куда лучше, чем нам, вскоре он обнаружил Иркину машину и понял, что далее мы отправились пешком. До шоссе было совсем недалеко. Вовка, выехав на трассу, начал звонить мне на мобильный, как только появилась связь. Ни я, ни Ирка (номер телефона он на всякий случай взял у ее приятеля) не отвечали, и Вовка предположил самое худшее: мы заблудились. Само собой, не догадываясь, что в реальности все обстоит куда страшнее. Он здорово испугался и принялся обзванивать всех знако-

мых, у одного из них в родственниках оказался начальник местной полиции. Тот попытался Вовку успокоить, заверив, что дорога нас к жилью непременно выведет, а если нет, поиски надо начинать утром, в темноте это все равно невозможно. Необходимые звонки он сделал, и во вверенном ему районе сотрудники знали, что по лесу бродят две девицы, в общем, диспетчер была уже в курсе, хотя рассказ о трупах и списала поначалу на разыгравшееся воображение.

Силы меня оставили, и я, не успев повесить трубку, рухнула в грязь. Все остальное я помню смутно, точнее, вовсе не помню, знаю по чужим рассказам.

«Скорая» и полиция приехали одновременно, я в тот момент находилась в доме у сердобольного водителя лесовоза и успела до смерти перепугать его семейство, потому что в бреду повторяла: «Трупы, трупы, там Ирка...» Граждане бог знает что успели напридумывать, но к истине не приблизились.

Описание места, где все произошло, данное мною диспетчеру, было весьма приблизительным, что неудивительно. Но Вовка точно указал, где нашел Иркину машину, и это помогло, на своих двоих по грязи особо далеко мы уйти не могли, а в округе лишь одно бывшее охотничье хозяйство подпадало под описание. Еще пятнадцать лет назад его выкупило частное лицо, и что там теперь, толком никто не знал. Но на всякий случай, запросив подмогу, отправились проверить.

Еще не доехав до места, полицейские были вынуждены

вызывать пожарных – над лесом поднималось зарево, так что сомнений не осталось: бандиты заматают следы. Я же в тот момент уже находилась в реанимации, сильный стресс и переохлаждение дали себя знать. Однако через сутки меня перевели в отдельную палату. Возле двери дежурил полицейский, о чем мне сообщила медсестра, желая придать уверенности в абсолютной безопасности.

Если мое физическое состояние шло на поправку, то с остальным дела обстояли скверно. Вместо того чтобы радоваться своему безусловному везению – побывать в лапах маляков и благополучно сбежать, – я впала в ступор. И радоваться уж точно не спешила. Мир оказался на удивление хрупким. И это пугало до такой степени, что я не желала иметь с ним ничего общего. Все могло измениться в любой момент, и ничего в этом смысле от меня не зависело. Обычный дом вдруг превращался в логово психопатов, а вроде бы нормальные с виду парни – в упырей. Я пялилась в потолок и с ужасом ждала того дня, когда мне придется покинуть больницу.

Уже на вторые сутки в палате появился мужчина, представился Валентином Георгиевичем. Кто такой, не сказал, но и так было ясно. Ласково улыбнулся, устраиваясь на стуле рядом со мной, и спросил голосом Деда Мороза:

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – ответила я, потому что определить свое душевное состояние затруднялась.

– Вот и хорошо. У меня к вам несколько вопросов.

– У меня к вам тоже, – не стала церемониться я. – Что с Ирой?

Он замялся, точно прикидывая, как следует ответить, а я сжала кулаки, уже зная ответ.

– Они убили ее?

– Алла, когда подъехала полиция, в доме был пожар... В общем, там обнаружили несколько трупов. Среди них женские.

– Иру не опознали? Значит, возможно, она все-таки жива? Калитка была открыта, ее могла открыть только она. Ира мне жизнь спасла.

– Алла... нам очень важно восстановить картину событий. Я буду с вами откровенен, труп вашей подруги лежал возле входной двери. Пожар начался наверху, и та часть дома, где она находилась, пострадала меньше. В общем, это, безусловно, она. Нет никаких сомнений.

Я задумалась. Валентин Георгиевич терпеливо ждал.

– Как она там оказалась? Она должна была сбежать раньше, чем я. И открытая калитка это подтверждает.

– Расскажите подробно, – попросил он.

И я рассказала. Валентин Георгиевич вздохнул и задал вопрос:

– Значит, после того как она ушла в комнату, вы ее больше не видели?

– Нет. Но у нее было время... Мы договорились.

Тут я беспомощно заревела. Я знать не знала, что произошло с Ирой. Смогла она выбраться в окно или нет. А вдруг она просто уснула, наплевав на мои слова? Открытая калитка – вот что позволяло мне надеяться, когда, блуждая в лесу, я думала о ней. Вряд ли кто-то из упырей оставил калитку открытой... Иру обнаружили в лесу и вернули в дом? Я спаслась, а она нет? И никто никогда не узнает, что там произошло.

– Все хорошо, – бормотал Валентин Георгиевич. – Сейчас вы в безопасности.

«Нет никакой безопасности! – хотелось заорать мне. – Ты едешь в свой выходной к друзьям, строишь планы, а потом бац – и все летит к чертям».

Но орать я себе отсоветовала, запросто можно оказаться в психушке. Впрочем, не факт, что я действительно там не окажусь в ближайшее время.

– Их найдут? Скажите честно? – задала я вопрос, который очень меня интересовал. Хотелось, чтобы нашли, и вместе с тем я с беспокойством думала: в сущности, это ничего не решает. На смену одним упырям явятся другие.

Он долго не отвечал. Я начала думать, что и вовсе не ответит, но тут он произнес:

– Собственно, их, скорее всего, уже нашли.

Теперь я надолго замолчала, с сомнением глядя на него.

– Нашли? – спросила растерянно.

– Рядом с вашей подругой – трупы троих мужчин. Ника-

ких документов при них не оказалось. Их личности устанавливаются. Вы могли бы описать предполагаемых убийц максимально подробно?

– Предполагаемых? – не поняла я.

– Не обращайтесь внимания, – поспешно отмахнулся он. – Привычка. Вину устанавливает суд... Но до суда они не дожили. Вряд ли стоит переживать по этому поводу.

То, что он сообщил, в голове укладывалось плохо, однако это не удивило: я была в таком состоянии, что и менее затейливые вещи воспринимала с трудом. Он включил диктофон, а я, прикрыв глаза, монотонным голосом начала описывать внешность парней. Троица возникала передо мной с такой отчетливой ясностью, словно они стояли напротив. Оказывается, я запомнила и родинку на шее у Димы, прямо за мочкой левого уха, и татуировку на руке Кирилла – «666» в языках пламени, адского, надо полагать. Это было удивительно и даже тревожно, как будто я обрела некие способности, которыми раньше не обладала.

Валентин Георгиевич вроде бы тоже слегка удивился, но был доволен. Уточнял, переспрашивал и наконец заявил:

– Это, безусловно, они.

– И они найдены мертвыми? – растерялась я.

– Да. Все трое. Судя по вашим описаниям.

– Но... Они задохнулись угарным газом? – дурацкое предположение, но другого не было.

– Их убили, – ответил он.

– Как?

Валентин Георгиевич замешкался, наверное, опасался нанести урон моей психике, однако в конце концов произнес:

– Двое застрелены, третьему, как и вашей подруге, перерезали горло, – тут он досадливо поморщился, наверное, сожалея, что упомянул Ирку.

– Но... кто их убил?

Судя по всему, Валентин Георгиевич ответа на этот вопрос не знал. Не могла же это быть Ира. Ей в руки каким-то образом попал пистолет, и она застрелила двоих парней?.. Уже после того, как я оказалась в лесу, ведь, находясь рядом с домом, никаких выстрелов я не слышала. И что дальше? Третий тип перерезал ей горло, а потом сам зарезался в большой тоске по дружкам? Бред.

– Чей это дом? Вы выяснили?

– По документам он принадлежит человеку, который в настоящее время находится в Испании. Нам удалось с ним связаться. Он собирался по возвращении в Россию продать дом, потому что намерен жить за границей постоянно. Собственность здесь ему не нужна. Ключи от дома он никому не передавал и не имеет понятия, кто там находился.

– То есть кто-то поселился там без его ведома?

– Выходит, так, – пожал плечами Валентин Георгиевич.

Картина, которую я худо-бедно успела себе нарисовать, теперь грешила серьезными нестыковками.

– Подождите, я думала, там, в ванной, трупы хозяев...

– В ванной действительно обнаружили три трупа. Два женских и один мужской. Еще один труп – в спальне на втором этаже... он сильно обгорел. Пожар как раз и начался в той комнате...

– Двое мужчин и две женщины? И хозяин ничего о них не знал?

– Именно это он утверждает.

– Когда я... увидела их в ванной... я подумала... Бандиты, какие-нибудь беглые уголовники, наткнулись на этот дом в лесу и убили хозяев, чтобы те не донесли на них в полицию.

– Да, именно это вы сказали диспетчеру, принявшему вызов, – кивнул Валентин Георгиевич.

– Но если хозяин говорит правду, получается, что одни люди без спроса поселились там, а потом пришли другие...

– Я бы не стал особенно доверять словам хозяина дома, – заметил мой собеседник. – Предположим, он просто не хочет неприятностей.

– Но ведь возможно установить, знаком он с убитыми или нет.

– Для начала надо установить, кто все эти люди. Но если он кого-то там прятал... Вполне вероятно, они даже не были знакомы лично.

– Прятал? – переспросила я. «Кто-то прячется в доме, там появляются трое упырей... Случайно появляются? Или все-таки нет?»

– А машины? – спросила я.

– Сильно обгоревший джип обнаружили возле крыльца.

– А второй джип? Он стоял под навесом.

– Вы видели еще одну машину?

– Да. Видела. Здоровенный джип. Было темно, марку машины не назову. И номер я не разглядела. Я думала, это машина хозяев. Стояла под навесом. Куда же она делась?

И тут я еще кое-что вспомнила, перевела взгляд на Валентина Георгиевича, а он спросил:

– Вы уверены, что видели еще одну машину?

– Я уверена, что видела там еще одного типа, – выдохнула я.

– Не понял...

– Когда я выглянула в кухонное окно, он стоял возле джипа. Сначала я подумала, это кто-то из парней. Но он был выше и шире в плечах любого из них. Это точно. Я еще здорово испугалась, поняв, что их не трое даже, а четверо.

– И больше вы его не видели?

– Нет.

– Вам не показалось, что он прячется?

Я попыталась припомнить увиденное во всех деталях. Вот он стоит под навесом, заглядывает в багажник, в руках у него что-то есть... Что? В темноте не разобрать. Он двигался уверенно и точно ничего не боялся, поэтому я решила поначалу, это кто-то из парней – либо Костя, либо Кирилл.

– Вы делаете очень важное заявление, Алла, – заволновался Валентин Георгиевич. – Вы уверены в своих словах? Вы

же сами сказали: было темно, ни марку, ни номер машины не разобрать, следовательно, лица мужчины вы тоже не видели.

– Не видела. Но он совершенно точно не был похож ни на кого из тех парней. По крайней мере, я так подумала, когда смотрела на него.

– Что ж, если вы уверены... это многое меняет.

– Что меняет? – нахмурилась я.

– По крайней мере, можно предположить, что на второй машине уехал он, оттого мы ее и не обнаружили, хотя на следы протектора внимание обратили.

Я вздохнула с облегчением: машина мне не привиделась, и, не успев додумать свою мысль до конца, буркнула:

– Упырей тоже он убил?

– Кого?

– Этих типов. Беглых уголовников или кто они там?

Он пожал плечами:

– Такое предположение вполне допустимо.

– Они что-то не поделили?

– Поводом расправиться с ними могло стать ваше бегство.

Он убрал сообщников, чтобы замести следы, вы их видели, а его нет.

– И этот тип где-то здесь...

– В каком смысле?

– В том смысле, что он может быть где угодно. Поэтому возле моей палаты дежурит полицейский?

– Алла Олеговна, уверяю вас, вы находитесь в полной без-

опасности.

– Я тоже так думала до той субботы. У него ведь нет абсолютной уверенности, что я его не видела?

– Мы предпримем все меры...

– Лучше найдите его и отправьте в тюрьму. А еще лучше пристрелите к чертям собачьим!

Валентин Георгиевич отпрянул, потому что последние слова я проорала.

– Я позову врача, – поспешно вскакивая, сказал он и покинул палату.

Врач вскоре явился, посоветовал не волноваться, и чтобы я гарантированно этого не делала, сделал укол, после которого я почти мгновенно уснула.

Сны были жуткие. Я вновь брела по лесу, видела Ирку с перерезанной шеей, из темноты то и дело выступала зловещая фигура мужчины в куртке с капюшоном, он держался ко мне спиной, и больше всего на свете я боялась, что он вдруг повернется и увидит меня.

В больнице я пробыла неделю. Держать меня там и дальше не было никакого смысла. Мне выписали успокоительное, советовали поменьше находиться в одиночестве и настоятельно рекомендовали обратиться к психологу, даже снабдили визиткой. К тому моменту из Германии приехали мама с отчимом, Вовка тоже забегал каждый день, оттого одиночество мне не грозило, а в том, что мир стараниями психолога вдруг встанет на место, я сильно сомневалась.

Валентин Георгиевич навестил меня еще раз в компании мужчины помоложе и дал мне подписать бумаги, в которых содержался мой подробный рассказ. Полицейский, дежуривший возле двери, на третий день исчез, означать это могло что угодно, но меня скорее порадовало – не хватало только и маме до смерти перепугаться.

Неделю после выписки я жила в легком обалдении, которое перетекло в затяжную депрессию. Покидать квартиру я боялась, любой шорох вызывал скачок давления, любой звук – панический страх. Работа, друзья и Вовка, которого я сама же записала в герои, в одночасье перестали иметь хоть какое-то значение. Я старалась побольше спать, в чем и преуспела при помощи снотворного. Вот и все мои достижения.

На семейном совете решено было спешно покинуть страну, где людей режут ни за что ни про что. И я отправилась в благополучную Германию, но за три месяца, проведенных там, существенных сдвигов в моем сближении с новой реальностью не произошло. Европейское благополучие вовсе таковым не казалось. Особенно после новостных программ. Телевизор при мне старались не включать – труд напрасный, ведь у меня был планшет. Я пыталась узнать, продвинулось ли следствие в раскрытии убийства аж восьми человек – именно столько трупов обнаружили в доме. Но не смогла найти в СМИ ни малейших сведений. Об этих убийствах не написали ни строчки, словно их и вовсе не было и все мне попросту привиделось. Я даже позвонила Валентину Георги-

евичу. Он говорил со мной доброжелательно, но новостями поделиться не мог, оказывается, он больше не вел это дело.

– А кто его сейчас ведет? – растерялась я.

– Затрудняюсь ответить. Дело передали в ФСБ, – буркнул он и торопливо простился.

К концу третьего месяца моей германской жизни, которая напоминала зимовку русского медведя, отчим стал поглядывать с неудовольствием. Близки мы с ним никогда не были. Мама вышла замуж три года назад, виделись мы не то чтобы часто, и теперь его толерантность подверглась серьезному испытанию. Мама и слышать не хотела о том, чтобы я жила одна, но мое тяготение к горизонтальному положению и ее всерьез беспокоило. Я стремительно превращалась в несчастную полнеющую девицу, все интересы которой сосредотачивались вокруг дивана.

Оба честно пытались вернуть мне радость жизни: красоты природы, прекрасное искусство, путешествия и общение с друзьями. Я от всего этого уклонялась и по возможности спешила вернуться на диван. Мамин брак начинал трещать по швам, и я поняла: пора съезжать. О чем и поставила их в известность. Мама заплакала, отчим нахмурился, но оба вздохнули с облегчением.

Я вернулась в родной город, чувствуя себя подкидышем, оставленным в корзинке возле чужих дверей. Все было иным и странно незнакомым. На мое место в фирме уже взяли че-

ловека, но это меня не огорчило. Работу я вроде бы искала, но не очень напрягалась. Я не видела в ней смысла, впрочем, как и во всем остальном. Зачем тебе карьера, если в один миг все может кончиться? Кое-какие деньги у меня еще оставались, я надеялась протянуть на них некоторое время, а уж потом нужда заставит зарабатывать на хлеб насущный. Я не хотела ничего «с перспективой», идеальная работа – та, что заканчивается вместе со сменой. Встал, ушел, а твое место легко займет другой. Я знала, мне достаточно совсем небольших денег, потому что я ничего не хотела.

Трудно сказать, осуществила бы я свои намерения (впрочем, все еще впереди – ха-ха, это то самое выражение, которое я ненавижу), но тут объявился папа. Он не принимал никакого участия в моей жизни с тех пор, как перестал платить алименты. Я тоже не особо надоедала, хотя дочерний долг выполняла исправно: звонила на все мало-мальски заметные праздники. Каждый раз папа спрашивал: «деньги нужны?», я поспешно отвечала «нет», и мы скоренько прощались. В конце концов я начала думать, что звоню я папе исключительно для того, чтобы сообщить: деньги мне не нужны. Надеюсь, его это успокаивало, папа из тех, для кого безденежье и великое несчастье – синонимы.

Он свалился как снег на голову, не без участия мамы, я полагаю. Она наверняка, собравшись с силами, ему позвонила и рассказала, что дочка тихо съезжает с катушек, вместо того чтобы радоваться удачному побегу от маньяков.

О маньяках папа заговорил на третий день. Два дня мы таскались с ним по городу, который он покинул много лет назад, и я рассказывала о достопримечательностях, понятия не имея, о чем еще говорить с папой.

Когда, встретившись на вокзале, мы обнялись, он несколько раз повторил «какая ты красавица», то ли в детстве я была уродиной, то ли папа считал: если повторять эти слова как мантру, я поверю, что это большая удача в жизни. Ирка тоже была красавицей, и что? Какой-то псих расположил ей горло. Само собой, я помалкивала, и вдруг папа заговорил об этом сам. Вопросов у него оказалось даже больше, чем у следователя. Он спрашивал, слушал, склонив голову набок, и хмурился, наверное, удивляясь тому, как спокойно я обо всем рассказываю.

– Вот что, – кивнул он, когда вопросы у него кончились. – Говорить всякую хрень типа «надо взять себя в руки», как просила твоя мама, я не буду. Потому что очень хорошо знаю, что ты сейчас чувствуешь. У меня был друг, мы с ним вместе начинали бизнес, тебя тогда и на свете не было. Времена суровые, а дружок мой – человек негибкий, оттого у нас возникли проблемы. Однажды мы вышли из офиса, пожали друг другу руки, собираясь разъехаться, и тут рядом с моей щекой что-то просвистело, слегка опалив, а дружок упал на асфальт, так и не выпустив моей руки. Я смотрел на него и ждал, когда меня пристрелят, я даже не пытался укрыться или бежать, стоял и ухмылялся, как последний кретин. Но

меня не пристрелили.

Утром ко мне в офис явились сурового вида ребята с определенными требованиями, я их выслушал, сказал, что распоряжусь насчет кофе, и ушел. Просто ушел куда глаза глядят, бросив бизнес и оставив тех ребят в моем кабинете в глубочайшем недоумении. Я ушел не потому, что испугался их, и даже не потому, что не хотел прогибаться. Я не видел смысла. Ни в чем. Та пуля могла войти в мой затылок. Та или любая другая, понимаешь? Я шел от монастыря к монастырю, где просил самой тяжелой работы, шел все дальше и дальше. Не поверишь, я дошел до Камчатки. Я думал, что всю оставшуюся жизнь так и буду скитаться. Но, стоя на берегу океана, я понял: пора возвращаться. Заработал денег на обратный билет и вернулся. Стал работать реставратором, потом встретил твою маму, потом родилась ты, а я вновь занялся бизнесом.

– А мораль? – спросила я, когда он замолчал.

– Мораль? Когда-нибудь все приходит в норму. Хочешь поехать со мной?

– Нет.

– И правильно. Обещай мне одно: никакой наркоты и пьянства, это не спасает – заявляю авторитетно.

– С пьянством ничего не вышло, я уже пробовала, а наркоту и пробовать не хочу.

– Отлично. Я еще пару дней поживу и отчалию. О деньгах не беспокойся, банковская карта в верхнем ящике секре-

тера. Там полмиллиона, каждый месяц буду переводить по двести тысяч. Сори деньгами, чтобы немного себя развлечь. Год, два, сколько угодно. Я столько бабла спустил на чужих баб, теперь не худо бы потратиться на единственную дочь.

– Я собиралась устроиться на работу, – внезапно застыдилась я.

– Деньги все равно буду переводить. Главное – не суетись и доверься жизни, куда-нибудь она тебя вынесет.

Не знаю, насколько это было мудрым решением, мама точно бы пришла от него в ужас, но мама была далеко. Отец дал еще пару советов: для начала сменить жилье.

– Новое место освежает, – подмигнул он.

И уже на следующий день мы занялись поисками квартиры. Папа намеревался купить пентхаус, но я ограничилась однушкой в доме экономкласса, зато уже с отделкой. Прежнюю квартиру папа предложил сдавать, чтобы не травмировать новшествами маму. А еще он привел меня в тир. Обычный, что находился в парке рядом с французской каруселью.

– Когда хреново на душе, нет ничего лучше тира, – заявил он, беря в руки винтовку. – Представь, что вот там эти уроды... или твои проблемы... Один хороший выстрел – и их нет.

Папа уехал, и, проводив его, я первым делом отправилась в тир. Отец оказался прав: уже после получасовой тренировки дышать стало легче. Возможно, я просто считала, что с винтовкой в руке выжить в этом мире куда больше шансов.

Возможно. Возможно, по той же причине я занялась борьбой. Был бы у меня шанс спасти Ирку и спастись самой, знай я пару-тройку приемов? Или умеи стрелять? Вряд ли. Хотя кто знает... Благодаря папиным деньгам и бездне свободного времени я могла заниматься чем угодно, но как-то так выходило – интересуют меня вещи весьма специфические. Такое впечатление, что я собиралась участвовать в Третьей мировой.

И тут моя жизнь сделала еще один крутой разворот.

Приняв душ после тренировки, я одевалась, стоя возле шкафчика, когда зазвонил мобильный. Обычно в это время звонил папа, интересовался моими успехами. Однако, взглянув на дисплей, я обнаружила, что это Полина, моя двоюродная сестра и по совместительству близкая подруга. Ее отец – брат моей мамы. Помнится, они не особо ладили, но когда случилось несчастье, мать Полины умерла от рака, мама взяла на себя все заботы о племяннице. Тогда-то мы с Полиной и подружились. Ее отец загружал себя работой, мотался по командировкам, и она подолгу жила у нас. Иметь старшую сестру оказалось здорово. Мы вместе ходили в музыкальную школу, бегали по утрам в парке и доверяли друг другу свои дурацкие тайны. Отец Полины пережил свою жену всего на семь лет, инфаркт настиг его в одной из поездок, Полина осталась круглой сиротой, наверное, поэтому так мечтала о семье, любимом муже, детях... И замуж вышла очень рано – в девятнадцать лет. Ее Павел мне никогда не нравился. За-

нуда и жуткий эгоист, больше всего на свете он ценил собственные удобства, о Полининых особо не думая, но она, судя по всему, была своей жизнью довольна.

После ее замужества мы малость отделились друг от друга, что, в общем, неудивительно. Но в больнице Полина появилась вслед за Вовкой, а после моего возвращения из Германии взяла за правило приглашать меня каждый четверг в гости. На счастье, по четвергам ее муж ходил с друзьями в баню, и обычно я успевала покинуть их квартиру до его возвращения, в худшем случае мы сталкивались в дверях, так что навещала я ее охотно.

В общем, мы опять сблизились, а вот с Вовкой, напротив, вскоре расстались. Я была ему очень благодарна, но его присутствие действовало на меня удручающе. Может, потому, что он невольно напоминал о том, что произошло. Вовка тоже маялся, должно быть, считал себя в чем-то виноватым. Мы, не стовариваясь, встречались все реже, а потом и вовсе перестали звонить друг другу. Теперь я иногда думала, что с этим поторопилась. Раньше желающих занять Вовкино место было пруд пруди, а после нашего разрыва – как отрезало.

Звонок сестры слегка удивил. По моим сведениям, накануне они всем семейством отправились в путешествие на речном пароходе, вернуться должны были в воскресенье вечером. Павел Александрович работал в крупной фирме, занимал солидную должность, руководство решило с размахом отметить какой-то юбилей, вот и арендовало судно, чтобы

с вечера пятницы наслаждаться жизнью вместе с семьями. Коллективные пьянки, как известно, сплачивают, что способствует дальнейшим свершениям.

– Да, – ответила я.

В трубке раздался странный звук, точно кто-то судорожно хватал ртом воздух, а потом Полина едва слышно позвала:

– Алла...

– Привет, как дела? – сегодня, помнится, они должны быть в Муромцеве, старинном городке, где у них запланирована экскурсия. – Как тебе Никольский монастырь? Фотки скинешь?

– Алла... – повторила она и вдруг заплакала.

В первое мгновение я решила, что у Павла Александровича служебный роман, а Полина ненароком об этом узнала. В этом большой минус подобных сборищ. Либо подвыпившая дамочка сдаст благоверного с потрохами, либо он сам спалится, приняв лишнего. Я такое не раз наблюдала, будучи трудящимся человеком, и готовилась произнести какую-нибудь глупость типа «каждый может ошибиться» или еще глупее – «не принимай близко к сердцу», хотя хотелось сказать: «Паша твой – редкий засранец и никуда от тебя не денется, потому что знает: далеко не каждая будет с этим мириться».

Но тут она с трудом произнесла:

– Паша... С Пашей несчастье... он, кажется, утонул.

И я на некоторое время замерла с открытым ртом.

– Как утонул? Что значит кажется? – буркнула я, а она

зарыдала, больше не сдерживаясь:

– Алла, я не знаю, что делать...

– Где ты? Я сейчас приеду.

Трубку взял кто-то другой, я услышала мужской голос, который деловито сообщил, где я смогу найти Полину. Крикнув «спасибо», я припустилась к выходу, сквозь зубы чертыхаясь. Мне казалось, с такими, как Павел Александрович, ничего в принципе не приключается, отчасти, может, этим и объяснялась моя упорная нелюбовь к нему. И нате вам. Я даже подумала, что каким-то образом накликала на сестру несчастье. Все у меня с некоторых пор наперекосяк, и это как-то отражается на окружающих. Что-то вроде чумы: подхватил эту заразу один – и вот вам эпидемия. Глупость, конечно, но чего только не надумаешь, когда несешься в соседний город, к сестре, которая в отчаянии, знать не знает, как ей жить дальше?

На машине я преодолела сто пятьдесят километров за рекордное время и, увидев указатель «Муромцево», притормозила, чтобы включить навигатор. Мужчина сказал, сестра в гостинице «Пристань», судя по названию, это где-то возле реки.

Городок совсем небольшой, и вскоре я въезжала на парковку перед трехэтажным зданием гостиницы. Здесь стояли два десятка машин с московскими номерами, что неудивительно: пристань могла похвастать не только отличным видом на реку, но и собственным пляжем. Само здание выгля-

дело солидно, а рецепшен даже роскошно: полосатые диваны, витрины с сувенирами, громадная люстра из муранского стекла и шелковый ковер на полу. Девушка за стойкой, заведя меня, демонстративно передвинула табличку: «Мест нет».

– Простите, – сказала я. – Здесь остановилась моя сестра, Гришина Полина...

– Это у которой... – девушка осеклась и продолжила, слегка нахмурившись: – Двадцать седьмой номер. Второй этаж.

Я бегом поднялась по лестнице. Возле двадцать седьмого номера на минуту замерла, прислушиваясь. Потом осторожно постучала. Полина открыла дверь, и я поразилась тому, как скверно она выглядит, точно разом постарела лет на десять. Впрочем, чему удивляться, мне ли не знать, как она любила своего мужа?

– Алла, – прошептала она, заключая меня в объятия, и мы немного постояли в молчании, Полина тихо всхлипывала, уткнувшись в мое плечо. – Сашка спит, – сказала она, отстраняясь. – Идем на балкон.

Сашка, дочка Полины, спала на безбрежной двуспальный кровати, раскинув руки и сбросив с себя одеяло. Сестра, задержав на ней взгляд, с трудом произнесла:

– Она еще ничего не знает.

Мы вышли на балкон, здесь стояли пластиковый стол и два стула, и вид открывался потрясающий. Но в тот момент мне было не до него. На столе я увидела пепельницу, доверху

набитую окурками, рядом лежали две пачки сигарет и зажигалка. После смерти отца Полина начала курить, но, выйдя замуж, бросила.

Она нервно закурила, не глядя на меня, я подумала и тоже взяла сигарету.

– Ты не куришь, – напомнила Полина.

– Ты тоже. Что случилось? – спросила я после паузы.

– Не знаю, – она медленно покачала головой, – ничего не знаю...

– Давай по порядку, – очень мягко попросила я, взяв ее за руку. Она кивнула, посидела немного, точно собираясь с силами, и заговорила:

– Вчера только отплыли, собрались в ресторане на ужин. По идее, праздновать должны были сегодня. Но... за ужином выпили, конечно, и... сама знаешь, как это бывает. Не могли уговориться, одним словом. Мне Сашку надо было укладывать, я после девяти ушла. А она раскапризничалась, то одну сказку просила, то другую... У меня, ко всему прочему, голова разболелась. Я и уснула вместе с Сашкой. Глаза открыла, музыки не слышно, похоже, все разошлись. А Паши в каюте нет. Я пошла его искать. Ресторан уже закрыт, на верхней палубе кто-то разговаривает. Я туда. Мужики там пьют из пластиковых стаканчиков. Самые стойкие. И Паша там. Ужасно пьяный. Я его никогда таким не видела. Ты же знаешь, он выпивкой не увлекается. А тут... просто ужас какой-то. Я его еле до каюты довела. Он сам раздеться не

смог... Пришлось положить его на нижнюю полку, а мы с Сашкой на верхней. Я бутылку воды ему на пол поставила и все боялась, что ему плохо будет... Он уснул, и я уснула, поначалу прислушивалась, как он там. Наверное, часа через два он проснулся, позвал меня. Выпил воды и в туалет ушел. Вернулся минут через двадцать, я уже за ним идти хотела. Сказал, что его вырвало. Неудивительно, если столько выпьешь. Но он сказал, его укачивает. Я его просила говорить потише, чтобы Сашу не разбудить. Он немного повозился и затих. Сквозь сон я слышала, как он поднялся. Хотела спросить, куда он, но не стала, подумала – наверное, ему опять плохо. Закрыла глаза и точно провалилась, так крепко уснула.

Проснулась в половине восьмого. Кто-то мимо окна прошел, я голоса услышала. Смотрю, Паши нет. Я сначала не испугалась. Решила, он в туалете. Или вышел на палубу, чтобы в себя прийти. Он же никогда столько не пил. Подумала, ему бы чаю крепкого, с лимоном, завтрак в девять, но на кухне наверняка кто-то есть... Я пошла в ресторан, налила в термос чаю. Вернулась в каюту, а Паши все нет. Сашка проснулась. Я по палубам пробежалась... Потом вместе с Сашкой пошла его искать. Народ стал из кают выбираться... Пашу никто не видел. Сначала не беспокоились, потом засуетились, но совсем по другому поводу: думали, он спяну к кому-нибудь из баб в каюту забрел. Как будто Паша такой. Когда выяснилось, что в каютах его нет, подключилась ко-

манда. Обыскали весь корабль. Нашли его ботинок. На корме, возле поручней. Сообщили в береговую охрану, или как там это называется. Один парень из команды видел, как в пять утра кто-то мимо прошел как раз в ту сторону. Но внимания не обратил. Причалили в Муромцево, всех собрали в ресторане, спрашивали, кто что видел. Никто, ничего. Меня с Сашей устроили здесь. Остальные на корабле. Вечером назад поплывут. Уже не до праздника. Вот так.

– Подожди... Допустим, он упал за борт. Это вовсе не значит, что утонул. Доплыл до берега... там его кто-то подобрал... рыбаки, к примеру.

– Я тоже на это надеюсь. Но... если бы его кто-то подобрал, об этом уже сообщили бы...

– А если Паша в шоке и просто не может назвать свое имя? Полина, кивнув, надолго замолчала.

– Ты не думай, – заговорила она вновь, – я то же самое себе твержу. Добрался до берега, лежит беспомощный... Его ищут, Алла, весь день. И если бы рыбаки кого-то подобрали...

– Но ведь надежда есть?

Она кивнула.

– Да, будем надеяться, – а потом отчаянно зарыдала, стискивая рот рукой, чтоб не разбудить Сашку. – Ты понимаешь, он погиб... а я спала в это время. Мне лень было голову поднять. Я же слышала, как он выходил. И если б я пошла за ним...

– Глупости, – бормотала я, – ты ни в чем не виновата.

– Не виновата? Что же мне теперь делать? Как дальше жить?

Прижимая Полину к груди и глядя ее плечи, я думала, как утешить сестру, и не находила слов. Я-то отлично знала: за любым поворотом тебя может ждать сюрприз в виде старухи с косой, от нее не убережешься и не спрячешься. Немного странно, что все это произошло с Павлом, но даже такие, как он, не застрахованы от того, чтобы по глупой случайности не скончаться в расцвете лет.

Полина его любила, и мне было ее жаль. Павла, конечно, тоже. Я вдруг очень ярко представила, как он стоит, свесившись через перила, смотрит на темную воду. Вдруг толчок, ноги скользят, руки невольно разжимаются, и он летит вниз, оставляя на палубе ботинок.

Почему-то картина показалась маловероятной. Ну да, был пьян, на ногах не держался, опасно свесился вниз, боясь запачкать брюки... И все равно что-то не так...

– Этот человек из команды, – спросила я, – он слышал крик или всплеск, что-нибудь слышал?

– Нет. Он просто видел, как Паша прошел мимо. В окно видел.

– И беспокойства не проявил?

Полина пожала плечами.

– Он заметил его в последний момент, когда Паша фактически уже прошел...

– И все же... На борту два десятка пьяных придурков...

– Гораздо больше, – невесело усмехнулась Полина.

– Вот-вот... Кто-то бредет по палубе, а команде нет до этого дела?

– У него своя работа, а здесь взрослые люди... Он за них не отвечает.

– Может, был какой-то толчок? Он не говорил?

– Какой толчок?

– Не знаю... Возможно, пришлось резко повернуть или внезапно затормозить...

– Алла, это же не машина на дороге в час пик. Это корабль.

– Ну... всякое бывает.

– Почему ты вдруг спросила об этом?

– Просто спросила... Что они говорят?

– Люди из береговой охраны? Чудеса случаются. Надо верить. Сказали, если будут новости, сразу сообщат.

Проснулась Сашка, мне она обрадовалась, про отца, конечно, спросила, но удовлетворилась объяснениями, что папа уехал по делам. Мне удалось уговорить Полину прогуляться по городу, от того, что она сидит в номере, нет никакой пользы, звонить все равно будут на мобильный.

Река притягивала ее как магнит. Куда бы мы ни шли, всякий раз оказывались на берегу. Обхватив себя за плечи руками, Полина молча смотрела на воду с белыми барашками волн. Я догадывалась, о чем она думает, и больше всего

на свете мне хотелось, чтобы Павел вдруг объявился в какой-нибудь богом забытой деревне, где даже связи нет, да хоть в цыганском таборе или борделе, куда занесла его пьяная удаля, лишь бы объявился.

Но мои молитвы, устремленные по этому поводу к Господу, услышаны не были.

В тот день вестей – ни хороших, ни плохих – не оказалось. Не появились они и на следующий. Теплоход отплыл без нас, а мы прожили в Муромцеве несколько дней, все еще на что-то надеясь. В конце концов нам посоветовали возвращаться домой, как видно, все сроки для чудес уже вышли. Я улучила момент и, оставшись наедине с молодым мужчиной в форме, который до этого примерно час беседовал с Полиной, спросила:

– Надеяться больше не на что?

– Что вам сказать? – Он пожал плечами. – Человек так устроен, что надеется иногда вопреки всему. И оказывается прав. Однако столько времени прошло... Где он может быть?

– Но ведь тело не нашли, значит...

– Здесь течение сильное... Но дело даже не в этом. За день столько судов проходит... Угодил под корабельный винт, к примеру... извините. В общем, тело могут найти не скоро или вовсе не найдут.

– Ясно, – вздохнула я.

Хотя, конечно, никакой ясности не было. И Полина будет винить себя и надеяться – месяц, полгода, год... Может, луч-

ше, если все-таки найдут... не знаю...

Возвращались мы на моей машине, Сашка спала на заднем сиденье, и сестра вдруг сказала:

– Он меня спрашивал, были ли у Паши враги.

– Кто спрашивал? – не поняла я.

– Следователь. Какие враги могут быть у Паши? Он в жизни ни одному человеку ничего плохого не сделал... А следователь опять спрашивает: его ведь собирались назначить генеральным?

– Действительно собирались? – удивилась я, сразу почувствовав неловкость из-за этого самого удивления.

– Паша говорил, пока ничего не ясно, – вздохнула Полина, – но он надеялся, конечно. Ты же знаешь, он порядочный человек и исключительно ценный специалист. Руководство не могло не заметить этого.

Я едва не хмыкнула, однако вовремя сдержалась.

– Что ты об этом думаешь? – спросила сестра.

– В смысле его перспектив? По мне главное – чтобы он вернулся живым и здоровым.

– Ты что, не понимаешь? – перебила она. – Они считают, Пашу убили!

– Убили? – бестолково переспросила я.

– Иначе к чему все эти вопросы? Кто-то боялся, что он получит это место... завидовал... ненавидел и воспользовался ситуацией. И от тела поэтому поспешили избавиться. Ведь если найдут тело – сразу станет ясно, что это убийство.

– Это тебе следователь сказал? – засомневалась я.

– Нет, но догадаться нетрудно. Теперь все становится понятно. Я ушла, Паша остался один... Он никогда много не пил, уверена, ему подсыпали какую-то гадость. Или просто настойчиво предлагали выпить еще. Он не смог отказаться. И в результате стал абсолютно беспомощным. Следователь сказал, по мнению коллег, он в тот вечер сам на себя был не похож.

– У меня тоже такое бывает. – Я досадливо чертыхнулась. – Что это ты мужа раньше времени хоронишь?

Полина покачала головой, отвернувшись к окну.

– Как только следователь стал задавать эти вопросы, я поняла, что жду Пашу напрасно. Его убили. Слышишь, Алка?!

Ответить на это было нечего. Я бы предпочла первоначальную версию: выпил лишнего, перегнулся через перила и нырнул, оставив на палубе ботинок. Этот самый ботинок, кстати, не давал покоя. Почему он вдруг слетел? Надет был кое-как? Но ботинок был не стоптан, я специально спрашивала. Значит, надел он его правильно. Если заныриваешь с палубы, с чего вдруг ботинок терять? Допустим, цеплялся за что-то ногой или сопротивлялся...

– Хочешь, я у тебя сегодня останусь? – посидев в молчании, предложила я.

– Спасибо. Сегодня Пашины родственники приезжают.

Полина все тянула со звоном родителям мужа, надеясь, что он найдется. Но вчера наконец позвонила.

– Я могу их встретить. Они самолетом или поездом?

– Самолетом. Мы с Сашкой встретим. Думаю, так лучше будет. Спасибо тебе.

Возле ее дома мы простились, Сашка к тому моменту успела проснуться. Я достала чемодан из багажника, удивляясь, что Полина не предлагает подняться к ней. И тут она сказала:

– Знаешь, что я подумала? Смерть привязчива. Прицепится к кому-то и... собирает жатву. Как-то уж очень литературно получилось, да? Но я так думаю.

Она кивнула, одной рукой ухватила чемодан, другой Сашку и пошла к подъезду. А я еще пару минут стояла, приходя в себя. Что она имела в виду, черт возьми?! Я накликала смерть на ее мужа?! Полная хрень... или нет? Я ведь и сама так подумала...

Я отправилась домой и до самого вечера бегала из угла в угол, пытаюсь ответить на этот вопрос, как будто на него существовал ответ.

«Так до экстрасенсов дело дойдет», – невесело хмыкнула я, и тут в дверь позвонили. Я никого в тот вечер не ждала, подошла к входной двери и посмотрела в глазок. С той стороны стоял довольно молодой мужчина и досадливо хмурился.

– Кто? – громко спросила я.

– Алла Олеговна, откройте, пожалуйста, – оживился мужчина, выдал сияющую улыбку, но поспешно ее убрал. – Я хотел бы с вами поговорить.

– Вы из полиции? – не торопясь открывать, уточнила я.

– Не совсем.

Он поднес к глазку удостоверение, и я поспешно распахнула дверь. Мужчина оказался сотрудником ФСБ, и я тут же вспомнила слова Валентина Георгиевича, что именно их ведомство теперь занимается моим делом.

– Проходите, – предложила я, толком не зная, как себя вести. – Чаю хотите?

– Кофе, если можно.

Интеллигентно сняв ботинки и отказавшись от тапочек, он вслед за мной прошел в кухню, устроился за столом, и я стала готовить кофе.

Вид удостоверения так на меня подействовал, что я запомнила лишь фамилию его обладателя – Иванов, грех не запомнить такую. Имя и отчество скрывал туман беспамятства.

– Простите, как мне к вам обращаться? – ставя перед ним чашку кофе, задала я вопрос.

– Можно просто Денис, – улыбнулся он.

– Наверное, лучше по отчеству...

– Совсем не обязательно. Мы ведь с вами, можно сказать, встречаемся неофициально, в неформальной обстановке.

– Да?

– Ну да. На вашей кухне, а не в моем кабинете.

«С этим не поспоришь, – подумала я. – Что ж, Денис так Денис».

– Есть новости? Я имею в виду расследование...

– Мы работаем, – заверил он, а я усмехнулась:

– Звучит оптимистично, почти как «у нас еще все впереди», – не сдержалась я.

– Что вы имеете против? – вновь улыбаясь, спросил он.

– Ничего. Только так обычно говорят хронические неудачники.

Ему это не понравилось. Он немного посверлил меня взглядом, но особого впечатления не произвел.

– Как вам живется? – сделав глоток кофе, спросил Денис, подозреваю, уже жалея, что мы в неформальной обстановке. – Мои коллеги вас давно не беспокоили.

– Такое впечатление, что мы теперь навеки связаны.

И вновь я подумала: «Вдруг Полина права?»

– Не понял...

– Извините, это я так... У сестры несчастье, муж утонул.

Дениса это по какой-то причине очень заинтересовало. Он стал расспрашивать, а я отвечать.

– Вы были близки с мужем вашей сестры, я имею в виду, дружили?

– Не особенно. Но сестра его любит. И теперь мучается виной. И эта двусмысленная ситуация все еще больше усложняет.

– Да уж... Иногда надо поставить точку. Больше ни с кем из ваших знакомых в последнее время ничего подобного не происходило?

– Не тонул ли кто еще? – опять не сдержалась я. Может, и этот тип считает меня смертоносным вирусом? Тогда какого хрена приперся?

– Надеюсь, в вашей жизни произошли и приятные события? – не обращая внимания на мой вопрос, продолжил он.

Я попыталась вспомнить приятные события, Денис решил мне помочь.

– Новые знакомства, к примеру.

«Папа объявился, – вдруг подумала я. – И я много чего о нем узнала, вполне можно сказать: познакомилась поближе».

– Мужчины, – не унимался Денис. – Вы ведь красивая девушка, у вас должно быть много знакомых мужчин.

– Почему-то не очень, – ответила я, пытаюсь понять, куда он клонит.

– И за эти месяцы никто не появился?

– Вы имеете в виду, есть ли у меня молодой человек?

– Ну... не обязательно молодой человек... друг... товарищ по интересам.

– Если мы в неформальной обстановке, можно я прямо спрошу? Вы себя в каком-то качестве предлагаете?

Он делано засмеялся и вдруг впервые за все время разговора задумался – то ли досадуя на мою бестолковость, то ли искал пути ее преодоления.

– Вы ведь увлеклись стрельбой? – наконец спросил он.

«Откуда вы знаете?» – чуть не брякнула я, но тут же напомнила себе, с кем имею дело. Как в известном анекдоте:

звонит мужик в ФСБ и спрашивает: «Это номер для анонимных звонков?», а ему отвечают: «Да, Александр».

– Увлеклась, – насторожилась я, не зная, чего ждать от жизни: то ли тренировки запретят, то ли позовут в агенты. Оказалось, ни то ни другое.

– Ваш тренер по стрельбе... вы его сами выбрали?

Вопрос прозвучал вполне серьезно, и моего ума хватило понять: отвечать тоже нужно без шуточек.

– Я сначала в тир ходила. Гуляли в парке с папой, зашли пострелять. Мне понравилось. Нашла в Интернете стрелковый клуб и позвонила.

– И вам предложили тренера? Или вы выбрали его сами?

– Кого мне было выбирать, если я никого не знала? Главный там Петрович... Игорь Петрович. Мы с ним разговаривали, мимо шел парень. Петрович его спросил: «Возьмешь к себе девушку?» Он ответил: «Возьму». Алексей, это мой тренер, думал, я надолго не задержусь, а я задержалась.

– Понятно, понятно. Вы ведь еще, кажется, боксом занимаетесь или карате?

– Борьбой, – познания Дениса в моей личной жизни удручали. – Заинтересовалась объявлением в фитнес-клубе. Сходила на занятие. Понравилось.

– Сейчас многие девушки занимаются борьбой, – порадовал он. – С тренерами все ясно. Но... наверное, появились и другие знакомые? В том же фитнес-клубе или стрелковой секции? С кем-то не просто перебросились парой фраз, а на-

чали видаться где-то еще... он вас пригласил куда-то... Ничего такого не было?

С минуту мы смотрели друг на друга в ожидании: он – моих откровений, а я – вразумительных объяснений. Не дождались.

– Скажите прямо, чего вам от меня надо? – вздохнула я.

– Алла Олеговна, – как видно, забыв, что мы в неформальной обстановке, торжественно обратился он. – Если вдруг в вашем окружении возникнет человек... мужчина или даже женщина и начнет проявлять к вам интерес... не сочтите за труд сообщить об этом мне. Можете поверить, вам это пойдет только на пользу.

Он положил на стол визитку, из которой я узнала: отчетство у него – Викторович.

– Хорошо, – немного подумав, пожала я плечами. – Было бы просто здорово, объясни вы...

Но мне тут же стало ясно: перспектива что-либо объяснять его не вдохновляет. Я мысленно махнула на все рукой и замолчала, а он поспешно встал и направился к двери, расточая улыбки... «Черт бы тебя побрал!» – с неожиданной злостью подумала я.

– Рад был знакомству, – заявил он напоследок и скрылся за дверью, оставив меня наедине с моими мыслями.

Я и до той поры не пылала особым оптимизмом, а после его ухода готова была погрузиться в затяжную депрессию. Самое скверное – вроде бы причин для этого нет. Или уже

есть? Часа два я размышляла на эту тему, а потом решила позвонить Валентину Георгиевичу. Судя по голосу, он мне не обрадовался.

– Я ведь вам сказал, что этим делом уже не занимаюсь, – напомнил он, но в интонации слышался отзвук вины, что внушало определенные надежды, и я скороговоркой выпалила:

– Мне очень надо с вами поговорить. Пожалуйста.

– Хорошо, – согласился он, – давайте встретимся... – и на секунду замялся. – На остановке «Театр кукол», возле сквера. Часов в семь. Подходит?

Я-то думала, он пригласит меня в свой кабинет, но поспешно ответила:

– Да, конечно.

На встречу я отправилась за час до назначенного срока, так меня разбирало. Возле входа в сквер две девушки ели мороженое. Я прошла по аллее, поглядывая на часы. Наконец появился Сазонов.

Он шел в компании симпатичной дворняги, то есть дворняга шныряла по окрестным клумбам, а в руке Сазонова я заметила поводок, что прозрачно намекало: эти двое вместе. Я вдруг заподозрила: Валентин Георгиевич не хотел встречаться со мной в кабинете, чтобы об этой встрече не узнали коллеги.

– Здравствуйте, Алла, – сказал он, подходя ближе, и кив-

ком указал на скамейку.

Мы сели, пес продолжал носиться вокруг, а Валентин Георгиевич – с интересом за ним наблюдать. Меня, напротив, интересом не баловал. Однако все-таки спросил:

– Что случилось?

– Меня навестил тип из ФСБ по фамилии Иванов. – Валентин Георгиевич кивнул, точно соглашаясь. – Задавал дурацкие вопросы.

– Это какие? – спросил он, поворачиваясь, и теперь смотрел в упор.

– Не появился ли у меня новый знакомый или знакомые. Вроде это должен быть мужчина, но и женщина вполне подойдет. Я, конечно, тоже попыталась вопросы задать, но...

– От меня-то вы чего хотите? – нахмурился Сазонов, а я нервно засмеялась, качая головой.

– Валентин Георгиевич, моего ума хватает понять: Иванову плевать на меня. И вам, скорее всего, тоже. Но... мне просто не к кому больше обратиться. Хотелось бы иметь представление, чего следует ждать от жизни... и как-то подготовиться. С некоторых пор я ненавижу сюрпризы. Хотя бы намекните, что затевается...

– Откуда мне знать? – проворчал он. – Со мной такие, как Иванов, откровенничать не станут.

– Вы с ним знакомы?

– Познакомились, когда ему ваше дело передавал. То есть не ваше, конечно... – Тут он взглянул сурово и выдал: – Зря

вы сюда вернулись. Жили бы в Германии. Чем там плохо?

– Всем, – ответила я. – Что за психи убили тех людей и чего от меня хотят типы из ФСБ?

– При всем желании не смогу ответить на ваши вопросы, – покачал головой он и продолжил наблюдать за собакой.

– Может, просто не хотите? За свою шкуру переживаете? Моя, само собой, вас волнует мало. Или совсем не волнует. Если вас вдруг вызовут к очередному трупу, и вы в ванной, залитой кровью, обнаружите меня, знайте: в свои последние минуты я с благодарностью думала о вас.

После этих слов надо было гордо удалиться. Но сил на это не оказалось. Сазонов в досаде покачал головой, думаю, его мой уход очень бы даже устроил. Легкий укол совести, если таковая имелась в наличии, и все. Но я не уходила, а мои слова, видимо, впечатление произвели. Сазонов был либо хорошим человеком, либо не любил быть плохим, потому что вдруг заговорил:

– Давайте взглянем на все чисто гипотетически. Предположим, ФСБ интересуется один человек. Профессия у него не скажу чтобы редкая... возможно, он просто больше преуспел в ней, чем другие. Выполнить заказ и остаться в живых – это ведь тоже искусство.

– Мы ведь с вами сейчас не о разносчике пиццы говорим? – насторожилась я.

– Какое до них дело ФСБ? – удивился Сазонов.

– Ага... понятно, – кивнула я, хотя, сказать по правде, ма-

ло что понимала. – Значит, речь о киллере? – Валентин Георгиевич пожал плечами. – И что там с этим парнем? Чисто гипотетически?

– Допустим, – чуть более охотно продолжил Сазонов, – у него возникли проблемы. С конкурентами или бывшими хозяевами. Все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.